

БЕСТСЕЛЛЕР THE NEW YORK TIMES

Шиван Вивьен
СПИСОК

«Самые красивые. Самые уродливые.
И все остальные.»

25 College Street

Любовь и другие катастрофы

Шиван Вивьен

Список

«РИПОЛ Классик»

2014

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)6-44

Вивьен Ш.

Список / Ш. Вивьен — «РИПОЛ Классик», 2014 — (Любовь и другие катастрофы)

ISBN 978-5-386-10259-3

В старшей школе Маунт-Вашингтон существует традиция: каждый год в последний понедельник сентября по является список самых красивых и некрасивых учениц каждого класса. Восемь старшеклассниц попали в этот список и моментально оказались в центре внимания. Смогут ли они выдержать давление со стороны? Впереди целый учебный год, и девушкам предстоит очень многое узнать о себе, любви, дружбе и трудностях взрослой жизни. Смелый, честный, глубокий роман о человеческих взаимоотношениях и о том, какими нас видят окружающие и какими мы привыкли видеть сами себя.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)6-44

ISBN 978-5-386-10259-3

© Вивьен Ш., 2014
© РИПОЛ Классик, 2014

Содержание

Пролог	6
Список	7
Понедельник	8
Вторник	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Шиван Вивьен

Список

© 2014 by Siobhan Vivian.

© Медведь О.М., перевод на русский язык, 2017

© ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2017

* * *

Восприятие красоты – это моральное испытание.
Генри Дейвид Торо

Пролог

Любой ученик Старшей школы Маунт-Вашингтона знает, что в последний понедельник сентября обязательно увидит список самых красивых и самых некрасивых девушек каждого класса.

И этот год не станет исключением.

Примерно четыре сотни копий этого списка можно увидеть в самых различных местах школы. Например, над писсуаром в мужском туалете на первом этаже, или поверх только что объявленного актерского состава осеннего спектакля «Гроши неба», или в кабинете медсестры между брошюрами о насилии на свиданиях и депрессии. Список приклеен к дверцам шкафчиков, засунут в парты, размещен на досках объявлений.

В правом нижнем углу каждой копии печать Старшей школы Маунт-Вашингтона, на котором отсутствуют недавно построенный крытый бассейн, спортзал и крыло с высокотехнологичными научными лабораториями. Обычно печатью заверяли аттестаты, но несколько десятилетий назад ее выкрали из ящика стола директора. А сейчас с помощью этой легендарной штучки отваживают подражателей и конкурентов.

Никто не знает наверняка, кем составлены эти списки и как они передаются, но конспирация не помешала традиции. Если уж на то пошло, такая анонимность стала своего рода гарантией, что они составлены объективно, справедливо и беспристрастно.

Каждый новый список стирает ярлыки, которые обычно навешивают на девочек в Старшей школе Маунт-Вашингтона, разделяя их на миллиард различных сословий – выпендреницы, популярные, потребительницы, лузерши, карьеристки, спортсменки, чудачки, хорошие, плохие, милашки, мужеподобные, шлюшки, туалетные шлюшки, переродившиеся девственницы, скромницы, заучки, прогульщицы, курильщицы травки, изгой, самородки, зубрилы, фрики и многие другие. В этом плане список – как глоток свежего воздуха. Он сокращает женскую иерархию до трех определенных групп.

Самые красивые. Самые уродливые. И все остальные.

Этим утром, еще до первого звонка на классный час, каждая девочка в Старшей школе Маунт-Вашингтона узнает, попало ли ее имя в список.

Те, кто отсутствует, будут гадать, хорошо это или плохо.

А у восьми школьниц не останется такого выбора.

Список

ДЕВЯТИКЛАССНИЦЫ

Самая некрасивая: ДАНИЭЛА ДЕМАРКО также известная как Дэн-мужик.

Самая красивая: ЭББИ УОРНЕР – дополнительные очки вручаются за то, что преодолела генетическое наследие.

ДЕСЯТИКЛАССНИЦЫ

Самая некрасивая: КЭНДИС КИНКЕЙД – кстати, красота заключается не только во внешности

Самая красивая: ЛОРЕН ФИНН – все запали на новую девочку.

ОДИННАДЦАТИКЛАССНИЦЫ

Самая некрасивая: СИНГЕР – будто она старается быть как можно уродливее.

Самая красивая: БРИДЖИТ КАНИКАТ – как сильно человек может измениться за лето.

ВЫПУСКНИЦЫ

Самая некрасивая: ДЖЕННИФЕР БРИГГИС – (барабанная дробь, пожалуйста) единственная четырехкратная победа за всю историю Маунт-Вашингтона! Поздравляем, Дженнифер!

Самая красивая: МАРГО ГЕЙБЛ – да здравствует королева танцев этого года!

Понедельник

Глава 1

Эбби Уорнер обходит дерево гинкго, лениво проводя рукой по толстой коре. Ветерок покусывает ее голые ноги от подола вельветовой юбки до балеток. Погода намекает, что пора уже надеть брюки, но Эбби отказывается носить их до тех пор, пока не начнет замерзать. Или пока не смоется летний загар. Смотря, что произойдет раньше.

Это место известно как Островок Девятиклассников. Именно здесь по утрам и после уроков собираются самые популярные девятиклассники школы. Весной практически все избегают Островок из-за отвратительного запаха светло-оранжевых луковиц гинкго, которые распухают и с глухим стуком падают на землю, испуская едкий газ. Хотя это хорошее прикрытие, ведь к тому времени до конца учебного года останется совсем немного, а значит, девятиклассники станут избегать всего, что может указывать на их незрелость.

Казалось, прошло уже несколько часов с того момента, как родители высадили у школы Эбби и ее старшую сестру Ферн, у которой какие-то дела в клубе дебатов. Или по понедельникам у нее академическое десятиборье? Эбби зевает. Она уже и не помнит что именно. В любом случае, в эти дни у нее отстойное утро, потому что приходится вставать невероятно рано, чтобы успеть принять душ, сделать прическу и выбрать симпатичный наряд. Она не включает свет, чтобы не разбудить Ферн, с которой делит самую большую спальню дома Уорнеров. Сестра спит до победного, потому что у нее нет утренних ритуалов – она лишь чистит зубы и выбирает очередные джинсы и свободную футболку.

Этим утром Ферн горделиво надела новую футболку, которую заказала в интернет-магазине. На груди набит вычурный герб, провозглашающий преданность бунтарской секте воинов из «The Blix Effect», серии фантастических романов, которой одержимы все подружки Ферн. А в машине сестра попросила Эбби заплести две французские косы – с такой прической героиня романа ходит на битву.

Ферн всегда просит, чтобы Эбби заплела ей косы, хотя она может соорудить пучок или «ракушку». По мнению Эбби, такие прически – лучший, более утонченный вариант для ее шестнадцатилетней сестры. Но она никогда не отказывает Ферн, даже если находит ее желание одеваться как героиня романа странным, потому что благодаря косам сестра выглядит лучше или, по крайней мере, так, словно ее хоть немного заботит внешний вид.

Начинают прибывать школьники на автобусах и машинах. Подружки Эбби по мере появления душат ее в своих объятиях. Все выходные они делились друг с другом фотографиями платьев, которые им хотелось надеть на школьные танцы в субботу вечером. Платье, в которое безумно влюбилась Эбби – из черного сатина, на бретельках и с крупным белым бантом, стягивающим талию, – уже отложили в бутике в торговом центре. И единственное, что ее останавливает: никто из девятиклассниц не знает, стоит ли уже так наряжаться, ведь это же не выпускной.

– О! Лиза! – улыбается Эбби, заметив свою лучшую подругу Лизу Ханикат, которая направляется к ней с парковки. – Ты показала Бриджит мое платье для танцев? Ей не показалось, что оно слишком официальное?

Лиза приобнимает Эбби одной рукой:

– Сестра сказала, что оно идеальное! Симпатичное и забавное, но при этом не создается впечатление, что стараешься принарядиться.

Эбби облегченно вздыхает, получив одобрение Бриджит. В их компании только у нее и Лизы есть старшие сестры, которые учатся в Маунт-Вашингтоне. Вот только Ферн не соперница Бриджит.

Этим летом Эбби пригласили на недельку погостить в загородном доме Лизы на Уипл-Бич. Слава богу, а не то ей бы все летние каникулы пришлось таскаться с Ферн по колледжам.

Всю ту неделю Эбби с Лизой пробирались в спальню Бриджит, чтобы там порыться. Они заглянули в шкаф и нашли несколько спрятанных в ящике для носков телефонных номеров парней, а также примерили браслеты с брелоками. Перепробовали на себе всю косметику, которая была идеально разложена на белом плетеном туалетном столике. Эбби всегда мечтала о туалетном столике, но в ее комнате для него не было места.

Большую часть той недели Бриджит держалась особняком, писала друзьям и читала книги из стопки, что взяла с собой. И даже на пляж вместе с Эбби и Лизой сходила всего один раз, и то всего на пару часов. Но одним дождливым вечером Бриджит позвала их потусоваться с ней в ее спальне. Она завивала им волосы на толстую плойку и позволила полежать в изножье своей большой мягкой кровати, пока они смотрели слащавый старый фильм. Эбби с Лизой спрашивали у Бриджит, на что похожа Старшая школа Маунт-Вашингтона, и девушка дала много полезных и искренних советов – например, что стоит быть осторожными, если захотелось переспать с парнями постарше, что сплетничать надо только с теми друзьями, которым полностью доверяешь, и как скрыть от родителей запах алкоголя.

От Ферн Эбби узнала лишь, к какому учителю математики в Маунт-Вашингтоне не помещает ходить на уроки. И она неоднократно задавалась вопросом, знала ли Бриджит что-либо о Ферн, кроме того, что девочки учились в одном классе.

Как только Лиза собирается пойти поболтать с другими подругами, Эбби, наклонившись к ней, шепчет:

– Ты выполнила задание по естествознанию?

Лиза хмурится:

– Эбби, ты же не можешь просто списать мое домашнее задание! Ты так никогда ничего не выучишь.

Эбби пальцами расчесывает свои светло-рыжие волосы:

– Ну, пожалуйста? Я вчера слишком увлеклась рассматриванием платьев. Это в последний раз. – Она кладет руку на сердце. – Обещаю.

Лиза вздыхает, но направляется к зданию школы, чтобы достать работу из шкафчика.

– Люблю тебя, как сестру! – кричит ей Эбби.

Через несколько минут Лиза выбегает на улицу, ее черный хвостик мечется из стороны в сторону.

– Эбби! – кричит она настолько громко, что все на Островке Девятиклассников поворачиваются и смотрят на нее. Преодолев последние несколько шагов, Лиза хватается за Эбби, чтобы не упасть. – Ты самая красивая девочка Старшей школы Маунт-Вашингтона!

Эбби моргает:

– Кто?

– Ты в списке, дурилка! В списке! Моя сестра тоже там есть. – Лиза смотрит на подруг, расплываясь в гордой улыбке, отчего ее брекеты сверкают на солнце. – Бриджит назва ли самой красивой девушкой среди одиннадцатиклассниц!

Эбби приоткрывает рот от удивления. Хоть она так и не разобралась, о чем говорит Лиза, эти новости явно должны вызвать восторг. К счастью, одна из подруг спрашивает:

– Что за список?

И все поворачиваются к Лизе, ожидая объяснений.

Пока Лиза просвещает девчонок, Эбби поддакивает ей, притворяясь, что не настолько невежественна, как остальные. Конечно, Ферн не предупредила ее о таком важном событии, да

и вряд ли она подскажет, какие платья подходят для школьных танцев. Иногда Эбби хочется, чтобы Бриджит была ее сестрой.

Ладно. Не иногда, а часто.

Спеша поздравить счастливицу, подруги по очереди сжимают Эбби в объятиях, и ее сердце бьется все быстрее. Несмотря на то, что девятиклассники стараются казаться незаинтересованными, Эбби замечает, что они продолжили играть в сокс, приблизившись к ним.

Она до сих пор не осознала произошедшего. В Маунт-Вашингтоне полно симпатичных девятиклассниц, и Эбби дружит с большинством из них. Неужели она действительно заслужила, чтобы ее назвали лучшей?

Это удивительно для нее.

– Девчонки, мне жаль, что выбрали не одну из вас, – вдруг говорит Эбби, и в ее голосе заметна искренность.

– Да ладно тебе, – смеется Лиза и показывает на свой рот. – Разве кто-то проголосует за меня с этими рельсами, проложенными на моем лице?

– Перестань! – вскрикивает Эбби, подталкивая Лизу. – Ты *такая* красивая! Намного красивее меня.

Эбби и правда так считает. На самом деле ей повезло, что она попала в список в этом году, так как еще неизвестно, кого выберут, когда Лиза наконец снимет брекеты. Она сантиметров на десять, если не больше, выше Эбби, ее длинные черные волосы всегда блестят, а левую щеку украшает крохотная родинка. У нее классное тело, с манящими формами. Единственное, что портит ее внешность, – это брекеты. И, возможно, немного толстоватые ноги. Но люди обычно не замечают подобное.

– Не умеешь ты принимать комплименты, Эбби, – со смешком произносит Лиза. – Но это такой масштаб. Теперь тебя все в школе будут знать.

Эбби улыбается. Еще никогда она так не предвкушала последующие четыре года учебы, как в эту минуту.

– Хотелось бы мне знать, кто выбрал меня, чтобы отблагодарить.

Мысль о какой-нибудь девушке или, вероятно, даже целой делегации, оказавшей ей такую честь, невероятно волнует Эбби. Оказывается, у нее есть подруги-старшеклассницы, о которых она даже не знает.

– Итак... где ты видела этот список?

– Листок был прикреплен к доске объявлений возле спортзала, – сообщает Лиза. – Но они повсюду.

– Как думаешь, я могу взять один? – интересуется Эбби.

Ей хочется припрятать список в каком-нибудь особом месте. Может, в памятном альбоме или коробке с дневниками.

– Обязательно! – засмеялась Лиза. – Пойдем и заберем один.

И девочки бегут в школу, держась за руки.

– Кто еще есть в списке? – спрашивает Эбби. – Кроме меня и твоей сестры?

– Ну, самая уродливая девятиклассница – Даниэла Де-Марко.

Эбби останавливается:

– Подожди. В этом списке есть еще и дурнушки?

В суматохе она как-то упустила это.

– Ага, – бормочет Лиза, таща подружку за собой. – Подожди, сейчас сама увидишь. В этом году составители под каждым именем сделали смешные приписки. Например, Даниэлу назвали Дэн-мужик.

Эбби не дружит с Даниэлой ДеМарко, но они вместе ходят на физкультуру. И на прошлой неделе та показала невероятное время в забеге на полтора километра. Это был результат, достойный восхищения, и, возможно, Эбби могла бы отстать от нее меньше чем на семнадцать

минут, но ей не хотелось остаток дня ходить потной. Конечно, ей жаль, что Даниэлу назвали самой уродливой девочкой в классе, но та казалась довольно сильной, чтобы справиться с этим. И, возможно, Даниэла догадается, что на ее месте могла быть любая из девочек. Как и в случае с Эбби. Все дело в везении.

– Что написали про меня?

Лиза, опустив голову, шепчет:

– Благодарят за то, что преодолела генетическое наследие. – А после выдает неловкое хихиканье.

Ферн!

Эбби прикусывает щеку, а потом спрашивает:

– Ферн – самая уродливая одиннадцатиклассница?

– О, нет, – быстро отвечает Лиза. – В списке чудачка Сара Сингер, та, что с хмурым видом просиживает все вечера на скамейке у Островка Девятиклассников.

Эбби опускает глаза и медленно кивает. А ощутив, как Лиза похлопывает ее по спине, понимает, что подруга чувствует себя виноватой.

– Слушай, Эбби. Не парься по поводу генетики. Там не упоминается имя Ферн. Готова поспорить, многие даже не знают, что вы сестры!

– Возможно, – соглашается Эбби, надеясь, что Лиза права.

Но даже если многие не знают об их родстве, учителя уж точно в курсе. И это было хуже всего в Маунт-Вашингтоне: Эбби видела, что не прошло и недели, как учителя поняли – она не так умна, как сестра.

– В любом случае, Ферн всегда добивается признания. И каждый раз ты радуешься за нее. – Лиза хочет подбодрить подругу. – Помнишь, в прошлом году ты заставила меня просидеть в том колледже три часа на конкурсе чтецов латинской поэзии, в котором участвовала твоя сестра?

– Это и вправду было очень важно. Ферн выбрали среди всех учеников старшей школы, и она выиграла стипендию.

Лиза закатывает глаза:

– Точно, точно. Помню. Теперь твой черед быть в центре внимания.

Эбби сжимает руку подруги. Да, комментарий про генетическое наследие немного язвительный. Но Лиза права. Не *сама* же Эбби это сказала. И она всегда поддерживала тягу Ферн к знаниям. И ни разу не жаловалась на ранние пробуждения или поездки по колледжам этим летом во время каникул. По крайней мере, вслух.

Когда они приближаются к спортзалу, Лиза опережает подругу на несколько шагов.

– Ну вот, – объявляет она, стуча пальцем по листку. – Черным по белому.

Эбби находит свое имя наверху списка. *Свое имя!* От увиденного все кажется более реальным и более заслуженным. Эбби официально самая красивая девочка девятого класса.

Какое-то время она не сводит глаз с листка. Но наконец Лиза ущипнула ее за руку. Сильно.

И Эбби отводит взгляд от доски объявлений. А затем замечает Ферн, целеустремленно шагающую по коридору.

Лямки ее рюкзака впиваются в плечи, а кончики французских кос покачиваются из стороны в сторону.

По виду сестры не понять, знает ли она, что Эбби попала в список. И, проходя мимо, Ферн, как обычно, делает вид, будто Эбби не существует.

А та дожидается, пока сестра не завернет за угол. Затем розовыми ногтями ослабляет скрепки и, стараясь не порвать уголки, снимает листок с доски объявлений.

Глава 2

За квартал до остановки Даниэла ДеМарко понимает, что опоздала на автобус. Слишком тихо, особенно для понедельника. Слышны лишь привычные утренние звуки – чириканье птиц, щелчки поднимающихся автоматических гаражных ворот, тихое гроыхание выкатываемых на подъездные дорожки пустых мусорных баков.

Даниэла опаздывает в школу, она не позавтракала и совершенно измотана. Не лучшее начало недели.

Но Даниэла все равно считает, что прошлый вечер того стоил.

Она проспала всего пару часов, когда зазвонил ее телефон.

– Алло? – зевая, ответила она.

– Ты что, уже спишь? Еще только полночь.

Даниэла проверила, закрыта ли дверь в ее спальню. Ее родители не обрадовались бы позднему звонку Эндрю. Они до сих пор считали, что он просто «парень, с которым она подружилась в лагере», хотя дочка миллион раз поправляла их. Будто бы они сломали язык, если бы назвали его бойфрендом Даниэлы. Или, возможно, их беспокоило то, что Эндрю был на год старше ее. И хотя родители и отнесли Эндрю в ту же категорию, что и Хоуп, лучшую подругу Даниэлы, при этом обозначили слишком много правил о том, когда, где и как они могли проводить время. По возвращении из лагеря «Кlover-Лейк», в котором этим летом оба работали вожатыми, смириться с этим было сложнее всего. Даниэла и Эндрю больше не могли гулять и общаться в любое время. Эндрю больше не пробирался в темноте к ее окну и не скребся в оконную сетку над ее кроватью. Они больше не уплывали на катамаране до середины озера, чтобы насладиться тем временем, пока ветерок относит их обратно до пирса.

И им казалось, что лето закончилось миллион лет назад.

Поэтому Даниэла спряталась с головой под одеяло и постаралась говорить потише.

– Отбой, детишки, – подразнила она.

Эндрю вздохнул:

– Извини, что разбудил тебя. Слишком перенервничал, чтобы заснуть. Во мне бурлит адреналин после игры, и я никак не могу успокоиться.

Днем Даниэла и Хоуп с трибун наблюдали за Эндрю, который непрестанно разминался у скамейки запасных, пока его товарищи по команде и их соперники вспахивали бутсами футбольное поле. Он подпрыгивал на носочках, прыгал, скрещивая руки и ноги, или бегал на месте, высоко поднимая колени, чтобы его мышцы не затекли. А после каждого розыгрыша мяча сжимал в руке щиток сверкающего белого шлема, бросая взгляд на футбольного тренера. И надеялся.

Даниэла ужасно переживала за друга. Это была четвертая игра в этом сезоне, а Эндрю не выпустили на поле даже на минуту. Неужели трудно дать таким десятиклассникам, как Эндрю, шанс? К концу второго периода команда Маунт-Вашингтона проигрывала три тачдауна. «Альпинисты» не выиграли ни одной игры.

– Ну... на мой взгляд, ты выглядел миленько в своей куртке с эмблемой команды, – сказала девушка.

Эндрю засмеялся, но его смех звучал так сухо, что Даниэла поняла – он до сих пор расстроен.

– Лучше бы и не брали в команду совсем, раз уж не выпускают на поле. Они же просто засунули меня на скамейку запасных. А стоять там и не иметь возможности сделать хоть что-нибудь, пока нам от игры к игре надирают задницы, унижительно. Я с таким же успехом мог поесть на трибунах начос с тобой и Хоуп.

– Да ладно тебе, Эндрю. Как бы там ни было, это большая честь. Могу поспорить, многие десятиклассники готовы убить, чтобы попасть в запасной состав.

– Наверное, – вздохнул парень. – Чака выпустили на поле на всю вторую половину игры. Жаль, что я не такой большой, как он. Надо больше тренироваться и, может, начать пить эти отвратительные протеиновые коктейли, которые у Чака постоянно с собой. Я слишком худой. Типа, самый маленький в команде.

– Это не так. Почему ты хочешь быть таким, как Чак? Да, он здоровяк... но не похоже, что он в хорошей форме. Готова поспорить, ты бы с легкостью обыграл его.

Даниэла уверена – Эндрю знает, что она не в восторге от этого парня. Однажды он сказал ей, что у Чака есть особая полочка для флаконов с духами, которые тот с гордостью демонстрирует, он вообще не выходит из дому, не воспользовавшись одним из них. Даже перед походом в гараж, где тягает железо. Со слов Эндрю, Чаку не нравится запах пота, даже своего собственного.

Эндрю задумался.

– Это правда. Чувак ест всякое дерьмо. Не думаю, что Чак знает, что такое овощи, ну, кроме тех, что кладут в «Биг Мак». Неудивительно, что он не может найти себе девушку.

И они дружно засмеялись.

Даниэле понадобилось несколько недель, чтобы понять, почему Эндрю и его друзья так ведут себя друг с другом. Они все время соперничали, особенно Чак и Эндрю. И находили для этого любой повод – оценки в школе, новые кроссовки, кто добежит первым до фонтана. Чаще всего, как считала Даниэла, это были мальчишеские забавы, но иногда Эндрю слишком близко к сердцу воспринимал какой-либо дурацкий проигрыш. Даниэле тоже был присущ дух соперничества, поэтому она сочувствовала поражениям своего парня, хотя сама старалась никогда не конкурировать со своим подругами.

Ей даже не хотелось думать, как отстойно чувствовала бы она себя, не попади она или Хоуп в команду по плаванию.

Тем не менее Даниэла особенно гордилась тем, что, когда среди друзей Эндрю затрагивалась тема подружек, она определенно была его выигрышем.

– Эй, – засмеялся Эндрю. – Не угадаешь, что я сегодня узнал. Даже если меня так и не выпустят на поле в этом сезоне, я все равно получу куртку с эмблемой команды.

– В ней ты так сексуально выглядишь, – сказала Даниэла.

Конечно, было глупо так говорить, но она знала, что это подбодрит Эндрю.

– Мне плевать на куртку, – добавила Эндрю. – Просто будет круто увидеть тебя в ней этой зимой.

– Ты прелесть, – покраснев, улыбнулась Даниэла.

Будет круто поносить куртку Эндрю – по крайней мере, пока она не получит свою.

– Ты поболтаешь со мной подольше? – тихо спросил Эндрю.

Даниэла взбила подушку, и они с Эндрю вместе прошлись по каналам, словно смотрели один телевизор. Посмеялись над причудливыми рекламными роликами, заполонившими кабельные каналы поздней ночью. Спрей для волос. Хитроумные приспособления для домашних спортзалов, которые в Средневековье применялись бы как орудия пыток. Средства против отеков и прыщей. Таблетки, помогающие похудеть, которые были изготовлены по древним китайским секретным рецептам.

В конце концов Даниэла уснула с прижатым к уху сотовым под мерцание картинок «до» и «после» на экране. В половине пятого сдох аккумулятор на телефоне. А вместе с ним и будильник.

Из-за любви – или чего-то очень похожего на нее – Даниэла опоздала на автобус.

Потянувшись за телефоном, чтобы позвонить домой, Даниэла замечает блокнот, страницы которого треплет ветер. И поднимает его. Прикрыв им глаза от похожего на апельсин

солнца, она замечает свой школьный автобус, который отъехал уже на три квартала к следующей назначенной остановке. Она опоздала на него, но не намного.

Даниэла опускает голову и пристально смотрит вперед. А через секунду срывается на бег.

Ее мышцы не разогреты, и она боится их растянуть. К тому же не хочет травмироваться, пытаясь догнать автобус, ведь это помешает ее тренировкам по плаванию. Но через какое-то время Даниэла настраивается на привычный темп. Приятное тепло разливается по всему телу.

Школьный автобус останавливается, чтобы пропустить выезжающую со двора машину. И Даниэла быстро догоняет его.

– Эй! – кричит она, когда подбирается достаточно близко, чтобы рассмотреть учеников на задних рядах. – Эй!

Но ребята слишком поглощены общением друг с другом, чтобы заметить Даниэлу. Автобус ускоряет ход и выпускает дым из выхлопной трубы, отчего глаза девушки начинает жечь. Она обгоняет автобус справа, чтобы водитель мог заметить ее в боковое зеркало. И снова пытается перекричать рев двигателя. А затем стучит кулаком по боку автобуса.

Водитель резко давит на тормоз. Ребята ошарашенно смотрят на Даниэлу. Она смахивает с лица пряди каштановых волос, ожидая, пока откроются двери.

– Ты могла убиться, – рявкает водитель автобуса.

Тяжело дыша, Даниэла извиняется. Затем взбирается по ступеням, поднимает блокнот над головой, как трофей, и ждет, когда владелец даст о себе знать.

Засунув пальто в шкафчик, Даниэла вместе с Хоуп идет в столовую. Она проснулась слишком поздно и не успела позавтракать, а до ланча без еды протянуть не сможет. Она равнодушно проходит мимо стола с булочками, которые продают члены школьного совета, потому что от углеводов ей еще больше захочется спать. И направляется к снэк-автоматам, надеясь, что там будут не только чипсы и шоколад. С тех пор как Даниэла попала в команду девятиклассников по плаванию, она ест все больше и больше, а ее тело постоянно требует подзарядки. Но девушке хочется с умом подходить к этой проблеме.

Когда подружки заходят в столовую, мимо пробегает старшеклассник.

– Эй! Дэн-мужик! – смеется он и хлопает Даниэлу по спине.

– Он обращался к тебе? – спрашивает Хоуп.

Даниэла слишком ошарашена, чтобы как-то ответить.

Она выискивает глазами парня, чтобы понять, знает ли его, но он удаляется так же быстро, как появился.

– Эм... без понятия.

Девочки подходят к снэк-автомату. Вся его стеклянная дверца обвешана листками. Предположив, что какой-нибудь школьный клуб отчаянно ищет новых членов, Даниэла срывает листок и читает.

Дэн-мужик? Самая уродливая?

Каждый мускул на лице девушки сжимается от медленно разрастающегося оцепенения.

Одно дело, когда тебя называют уродливой. Даниэлу и прежде так оскорбляли. Разве на свете есть хоть одна девочка, которую так не называли? И хоть это ее не радует, но люди, не задумываясь, называют друг друга *уродливыми*, частенько и говорят так и про самих себя. И слово уже так приелось, что даже не считается обидным.

Почти.

Но Дэн-мужик воспринимается по-другому. Это прозвище ранит, даже несмотря на то, что Даниэла знает – она совсем не женственная. В платьях она чувствует себя странно, словно нацепив на себя костюм, притворяется кем-то другим. Красится она только по выходным, и то лишь наносит немного блеска и иногда туши. У нее не проколоты уши, потому что она до смерти боится иголок.

Но у Даниэлы все же есть все необходимые признаки женщины. Фигура. Длинные волосы. Парень.

Хоуп отдирает листок и глубоко вдыхает, будто собирается погрузиться под воду:

– О, нет, Даниэла... Что это?

Но та не отвечает. А вместо этого смотрит на свое отражение в небольшом кусочке стекла, что до этого было прикрыто листком. Этим утром она не успела принять душ, поэтому просто закрутила волосы в пучок. Но выбившиеся каштановые пряди свисают вокруг шеи. Даниэлу это не должно удивлять – после каждой тренировки на ее шапочке остаются короткие обломанные волосинки, – но почему-то происходит именно так. Девушка старается пригладить волосы внезапно вспотевшей рукой, но пряди все равно выбиваются из прически. Поэтому она снимает резинку и встряхивает волосами. Высохшие и потускневшие от хлорки, они даже опадают не так, как у других девушек. И внезапно Даниэле кажется, что на ней дешевый парик. Она отворачивается от своего отражения. И видит, что к шкафчикам, которые стоят в коридоре, тоже приклеены листы.

– Хоуп, думаю, этот список развесили по всей школе, – выдавливает Даниэла через силу.

Не сговариваясь, девочки выходят из столовой, расходятся по разные стороны коридора и срываются на бег, попутно сдирая листки со шкафчиков.

Даниэла очень любит спорт, но это уже вторая ее пробежка за утро, а она еще даже не завтракала. Поэтому ей приходится черпать силы из внутренних резервов. Добежав до конца коридора, Даниэла сталкивается с Эндрю, который стоит в компании десятиклассников из футбольной команды. Включая Чака.

– Йо! Это Дэн! – кричит Чак более низким, чем обычно, голосом. – Дэн-мужик!

Парни смотрят на нее и смеются. Они видели список.

А это значит, что Эндрю тоже его видел.

– Давай, Эндрю, – говорит один из парней, с силой толкая его в сторону девушки. – Иди поцелуй Дэна!

– Да! Мы поддерживаем права геев! – кричит Чак.

Эндрю добродушно смеется. Но когда отходит от друзей и приближается к Даниэле, его улыбка сменяется обеспокоенным взглядом. Он отводит девушку к лестнице.

– Ты как? – стараясь говорить тихо, спрашивает он.

– Неплохо, если учесть операцию по смене пола, которую, очевидно, мне сделали вчера, – усмехается Даниэла, отчаянно пытаясь снять шуткой напряжение.

Но им обоим это не кажется смешным. Девушка поднимает с пола листки со списком:

– Что это, Эндрю?

– Дурацкая традиция. Этот список развешивают каждый год перед танцами.

Даниэла сердито смотрит на парня:

– Почему ты меня не предупредил?

Эндрю запускает пальцы в волосы. Они все еще светлые от пребывания на солнце, но темные корни уже слегка отросли.

– Потому что не думал, что в нем будет твое имя, Даниэла, – бормочет он.

От этого девушке становится лучше, но не намного.

– Ты знаешь, кто составил его?

У Даниэлы не так уж много друзей, но, насколько ей известно, и врагов нет. Всю свою жизнь она считала, что ни кто не питает к ней такую ненависть, чтобы сотворить нечто гадкое.

Эндрю смотрит на листы в руках девушки и быстро качает головой:

– Нет, не знаю. Слушай, Даниэла, ты не можешь бегать и срывать их. Этот список повсюду. Вся школа знает об этом. С этим ничего не поделать.

И тут Даниэла вспоминает парня, который хлопнул ее по спине в столовой, тепло от его руки на позвоночнике еще ощущается. Ей не хочется ошибиться. Не хочется опозориться еще сильнее.

– Извини, – говорит девушка, и эти слова искренние. По многим причинам. – Скажи, что мне делать.

Эндрю гладит ее по руке:

– Ребятам захочется увидеть, насколько сильно ты расстроена. И посмотреть на твою реакцию. Все до сих пор вспоминают одну девчонку, Дженнифер Бриггис, и как она психанула, когда попала в список в девятом классе. Поверь мне, одна ошибка может испортить тебе все годы в старшей школе.

Даниэла чувствует, как сжимается ее грудная клетка.

– Это безумие, Эндрю, – шепчет она. – Настоящее безумие.

– Это психологическая манипуляция. Вспомни, что мы говорили детям в лагере: если притвориться, что тебя не задевают придирки, они в конечном счете прекратятся. Не стоит доставлять ребятам удовольствие, показывая, как сильно тебя это расстроило. Постарайся казаться равнодушной. – Эндрю пристально смотрит девушке в глаза. – Надень маску. Хорошо?

Даниэла прикусывает губу и кивает, борясь со слезами. Но она знает, что Эндрю видит их. К счастью, парень притворяется, что ничего не замечает. Очевидно, тоже надел маску.

А через секунду Даниэла успокаивается и отходит от лестницы, немного отстав от Эндрю.

С испуганным выражением лица Хоуп стоит посреди коридора и оглядывается по сторонам. А затем замечает подругу и бежит к ней:

– Поторопись, Даниэла. Я собрала все листы здесь и в научном крыле. Давай посмотрим, есть ли они возле спортзала. – Хоуп крепко обнимает Даниэлу и шепчет: – Не волнуйся. Клянись своей жизнью, мы выясним, кто это сделал, и проследим, чтобы они получили по заслугам.

– Забудь, Хоуп, – говорит Даниэла.

А затем кидает листы, которые удерживала в руке, в мусорную корзину.

– Что? В смысле? – Хоуп поворачивается и смотрит на Эндрю, присоединившегося к своим друзьям. – Что он сказал?

– Не волнуйся. Он сказал правильные вещи.

И Даниэла полностью с ним согласна.

Глава 3

– Какого х...?

Изначально эта фраза должна была прозвучать вопросительно, но последняя согласная прозвучала с сомнением. Ведь Кэндис Кинкейд явно сбита с толку листочком, прикрепленном к дверце ее шкафчика.

Она убирает прядь каштановых волос, прилипшую к толстому слою мерцающего блеска для губ, и наклоняется вперед, чтобы получше рассмотреть список. А затем проводит ногтем с малиновым лаком от слова «самая уродливая» до своего имени, соединяя их невидимой линией.

Внезапно за ее спиной появляются подруги, также желающие увидеть список. Они все пришли сегодня в школу и искали его. Кэндис с таким волнением ожидала его появления, что почти не спала прошлой ночью.

– Вот список! – говорит одна из девушек.

– Кэндис – самая красивая десятиклассница! – кричит другая. – Круто, Кэндис!

Кэндис чувствует, как ее похлопывают по спине, сжимают руками плечи и стискивают в объятиях. Но продолжает смотреть на листок. Предполагалось, что в этом году она будет звез-

дой десятиклассниц. Честно говоря, так должно было быть в прошлом году, но ее место заняла Моник Джонс, которая снималась для подростковых журналов, по крайней мере, она так рассказывала всем. Кэндис не считала Моник *достаточно* красивой. Та была очень тощей, с непропорционально большой головой и с... ну, очень странной формой скулами. А еще Моник дружила только с парнями. Классическое поведение шлюхи.

Кэндис так радовалась, что Джонсы переехали. А сейчас она поддевает уголок, зажимает его между пальцами и срывает список; на дверце остается кусочек липкой ленты и уголок листка.

– Не хочется разочаровывать вас, девочки, но, видимо, я самая уродливая десятиклассница Маунт-Вашингтона, – объявляет Кэндис.

И заливается смехом, потому что это правда так нелепо.

Ее подруги обмениваются быстрыми взглядами.

– С другой стороны, – продолжает Кэндис, стараясь заполнить неловкую тишину, – думаю, можно смело утверждать, что в этом году список составляла Линетт Уилкоккс. Загадка решена!

Линетт Уилкоккс пользуется собакой-поводырем, чтобы ходить по коридорам. Она родилась слепой, ее глаза белые, как молоко, и очень влажные.

Так что это шутка. Разумеется.

Только никто из подруг не смеется. Все молчат.

Пока одна из них не шепчет:

– Ого!

И это сердит Кэндис. «Ого» – абсолютное преуменьшение года. Она расправляет листок и просматривает другие имена, выискивая ошибку, которая могла бы объяснить, что здесь происходит. Сара Сингер несомненно самая уродливая одиннадцатиклассница. При взгляде на имя Бриджит Ханикат припоминается довольно невзрачная девушка, поэтому Кэндис не уверена, что думает именно о том человеке. Все в школе уверены, что Марго Гейбл красивая, так что неудивительно, что ее назвали самой красивой выпускницей. И конечно же Дженнифер Бриггис – явный кандидат для самой уродливой двенадцатиклассницы. И если бы вместо нее написали имя какой-нибудь другой девушки, то все бы поняли, что это обман. Имена девятиклассниц из списка незнакомы Кэндис, и немудрено, ведь она не обращает внимания на мелюзгу.

Но было еще одно имя, которого Кэндис не знала. Что очень странно, ведь это была ее противница. Самая красивая ученица против самой уродливой.

Кэндис тычет пальцем в листок, отчего раздается шелчок.

– Кто такая Лорен Финн? – спрашивает она раздраженно.

– Девушка, которая училась на дому, – объясняет одна из ее подруг.

– Что за девушку? – Кэндис морщит нос.

Оглянувшись, чтобы убедиться, что их никто не подслушивает, одна из девушек шепчет:

– Конский волос.

Глаза Кэндис округляются.

– Лорен Финн – это Конский волос?

Она придумала это прозвище на прошлой неделе, когда они совершали двухкилометровый забег по спортзалу, из-за того, что светлый хвостик новенькой все время метался из стороны в сторону. Обогнав Лорен, Кэндис обсмеяла ее, потому что иметь волосы такой длины ужасно. Если, конечно, они не подстрижены лесенкой. Но у Лорен была другая стрижка. Ровно обрезанные волосы у поясницы. Вероятно, ее подстригала мама парой тупых ножниц.

– Ну... Думаю, Лорен красивая, – виновато пожимая плечами, подает голос одна из подруг Кэндис.

И кто-то поддакивает ей:

– Естественно, ей бы не мешало подстричься, но согласна, Лорен определенно красивая. Кэндис огорченно вздыхает:

– Я не говорю, что Конский волос некрасивая.

Хотя она никогда не вглядывалась в лицо Лорен.

Да и зачем ей это? Сейчас все должны обсуждать Кэндис, а не ее.

– В голове не укладывается, что меня назвали самой уродливой десятиклассницей.

Кэндис переводит взгляд с подруг на одноклассников, бредущих по коридору. И за несколько секунд отмечает нескольких девушек, которые могли оказаться в списке. Уродливых девчонок, которые заслуживают этого.

– В смысле, ну, ребята! Это же полная чушь! – Кэндис подначивает подруг, чтобы те встали на ее сторону, хоть и чувствует себя немного жалкой, ведь ей приходится выпрашивать у них слова поддержки. – Красивые девочки не должны оказываться в списке уродливых! Это не по правилам.

– Ну, там же *не написано*, что ты уродливая, – осторожно бросает одна из девушек.

– Это правда, – добавляет другая. – Самые уродливые *действительно* уродины. В списке написано, что ты уродлива внутри.

Не таких слов поддержки Кэндис ожидала. Но когда она осознает, что именно подруги сказали, то медленно кивает, позволяя новому чувству расцвести внутри. Разве это важно, что люди считают, будто она уродлива внутри? Конечно же ее подруги не верят в это, иначе не дружили бы с ней! Лишь красота снаружи имеет значение. Ведь ее видят все.

Одна из девушек робко произносит:

– Так... Может, обсудим, что мы будем делать для «Каравана по поднятию духа»?

Кэндис планировала обговорить все этим утром. Сам «Караван» будет проходить в субботу перед футбольной игрой. Это импровизированный парад, во время которого ученики Старшей школы Маунт-Вашингтона ездят на украшенных машинах по городу и громко гудят, зазывая жителей на игру. Так как Кэндис и некоторые из ее подруг этим летом получили права, то в этом году они впервые сами сядут за руль. Поэтому Кэндис уже все расписала в своем блокноте – например, на чьей машине они поедут (естественно, на мамином кабриолете), как ее украсить (бумажные гирлянды, консервные банки и рисунки мыльной пеной на лобовом стекле), а также во что оденутся (короткие шорты, гольфы и куртки с логотипом Маунт-Вашингтона). И все равно Кэндис смотрит на подруг открыв рот.

– Не сказала бы, что прямо сейчас меня переполняет любовь к школе, – бурчит она. Тот факт, что подруги не понимают этого, начинает ее раздражать. – Давайте отложим это до завтра, хорошо?

Одна из девушек пожимает плечами:

– Но мы должны все решить до субботы.

– И не станем откладывать это на последнюю минуту. Нам надо определиться с концепцией. Мы уже десятиклассницы. И должны сделать что-то особенное, – добавляет другая.

Концепция? Серьезно? Кэндис закатывает глаза. Но, увидев, что подруги соглашаются с этим высказыванием, понимает, что они собрались обязательно обсудить «Караван» – с ней или без нее. И от этого Кэндис охватывает какое-то странное чувство, и оно даже еще более странное, чем то, что появляется, когда тебя именуют самой уродливой.

Поэтому Кэндис быстро меняет стратегию и вырывает листок с идеями из блокнота.

– Хорошо, – говорит она, протягивая его подругам. – Вот что делаю я. Выясните, кто едет со мной, потому что в маминой машине уместится только пять человек.

Кэндис быстро пересчитывает подружек по головам. У ее шкафчика стоят десять девушек.

– Может, и шесть, если вы потеснитесь, – добавляет она.

Кэндис открывает дверцу шкафчика и в отверстие между металлическими пластинами видит, как подруги удаляются в сторону классной комнаты. А затем переводит взгляд на зеркало, удерживаемое магнитом на двери. Ее лицо кажется отрешенным, несимметричным. И лишь через несколько секунд тщательного осмотра она понимает, что забыла накрасить левый глаз карандашом.

Почему никто из подруг не сказал ей об этом?

Порывшись в косметичке, Кэндис наклоняется вперед так, что кончик носа почти касается зеркала. Она аккуратно оттягивает уголок левого глаза к уху и прорисовывает на веке полоску темно-коричневым карандашом, одним из пробников, что дала ей мама. Затем отпускает кожу, которая быстро возвращается на место, и моргает несколько раз.

По мнению Кэндис, глаза – ее главное достоинство. Светло-голубые, будто две капли пищевого красителя добавили в ведро ледяной воды. Люди всегда хвалят ее глаза, и хоть Кэндис раздражает эта предсказуемость, конечно же она наслаждается вниманием. Например, когда продавщица вдруг поднимает взгляд от кассы и произносит: «Ого, у тебя потрясающие глаза!» Или – что даже лучше – когда так говорит какой-нибудь парень. К тому же на глаза Кэндис обращают внимания больше, чем на грудь. Даже при том, что у нее третий размер груди без каких-либо нелепых вставок, которые, по ее мнению, лишь обманывают окружающих.

Кэндис слегка расслабляется. В списке она или нет, но Кэндис Кинкейд красавица. Она это знает. Все это знают.

А это важнее всего.

Глава 4

Лорен Финн с мамой дружно решили, что машина до сих пор пахнет умершим дедушкой. Лорен – в салоне стоял затхлый запах табака, старых газет и аптечного лосьона после бритья, – поэтому они едут в Старшую школу Маунт-Вашингтона с открытыми окнами.

Лорен кладет локти на раму окна, упирается подбородком в перекрестие рук и пытается прийти в себя под потоками свежего воздуха.

Утро понедельника всегда тяжелое, потому что ночь воскресенья каждый раз проходит ужасно. С волнением ожидая начала недели, Лорен заводится и долго не может успокоиться. Она чувствует каждую выпуклость старого матраса, слышит каждый скрип и вздох старого дома, в который они недавно переехали.

Прошло уже три недели новой жизни, но Лорен до сих пор не в своей тарелке. И это не стало для нее сюрпризом.

Ветер развеивает длинные светлые волосы Лорен, похожие на бурлящий океан, от потускневшей серебристой заколки до самых кончиков.

Она нашла заколку прошлым вечером, после того как час проворочалась в той же спальне и на той же кровати, что принадлежали ее маме в пятнадцатилетнем возрасте. Тонкая пластина торчала, как расшатанный гвоздь, в углу между полом и стеной, а стразы с прожилками мерцали при лунном свете.

Затем Лорен медленно прошла по коридору в пижаме. Мамина лампа для чтения отбрасывала теплое свечение в щель приоткрытой двери. После переезда в Маунт-Вашингтон им обеим не удавалось выспаться.

Лорен ногой приоткрыла дверь пошире. Со спиралей металлического каркаса кровати свисало несколько пар светло-коричневых дешевых колготок, которые мама развесила, чтобы просушить после стирки в раковине. Они напоминали Лорен змеиную кожу, сброшенную в теплых дюнах, и ассоциировались с прежней квартирой на западе. С прежней жизнью.

Миссис Финн оторвалась от толстого справочника налогового законодательства. Лорен обошла все еще запакованные коробки и запрыгнула на кровать. Затем раскрыла руки.

Миссис Финн улыбнулась и со смущенным видом покачала головой:

– Я умоляла твою бабушку купить мне ее, когда пошла в старшую школу. – Она взяла заколку и осмотрела допотопную вещь, принадлежавшую ей в молодости. – Не знаю, чувствовала ли ты когда-нибудь что-то подобное, Лорен, но иногда, приобретая что-то новое, начинаешь убеждать себя, что эта вещь способна изменить в тебе все. – Уголки рта миссис Финн приподнялись, улыбка стала натянутой и жалкой. – Я слишком много хотела от простой заколки, ты так не считаешь? – вздохнув, спросила она.

Затем миссис Финн закрепила ею прядь над ухом дочери и откинула одеяло, чтобы та могла лечь рядом.

Лорен никогда не испытывала описанное мамой чувство, но познала что-то более пугающее. Как в случае с Рэнди Калпеппером, который на уроке английского сидел через парту от нее.

В ее первый учебный день в Старшей школе Маунт-Вашингтона Лорен заметила, что от Рэнди странно пахло. Сначала она распознала в запахе *древесные нотки и затхлость*, а потом в коридоре услышала, что Рэнди приторговывал травкой и каждое утро перед школой выкуривал в своей машине косячок.

И хотела Лорен того или нет, но в ее жизни уже произошли изменения, например, она узнала как пахнет запрещенное вещество.

Она умолчала об этом, как и о многом другом, потому что знала – это разобьет маме сердце. А еще ей не хотелось признаваться, что в новой школе все было так же плохо, как ей рассказывали.

Если не хуже.

Через какое-то время, когда миссис Финн закончила читать и выключила свет, Лорен уставилась в потолок, задумавшись о маминых словах. Несмотря на эти изменения, она останется прежней.

Засыпая, Лорен провела рукой по заколке, ее символу надежды.

Точно так же она прикасается к ней, пока мама паркует седан на свободном месте у обочине.

– Как я выгляжу? Ты бы захотела взять такого бухгалтера на работу? – Миссис Финн поворачивает зеркало заднего вида к себе и с недовольством рассматривает свое отражение. – Давно я не ходила на собеседования. С момента твоего рождения. Да и кому я вообще нужна? Им подавай какую-нибудь красивую молодую штучку.

Лорен старается не обращать внимания на пятна от пота на маминой блузке в районе подмышек и небольшую стрелку на колготках, под которой отчетливо видно ее бледную кожу. Бледнее ее только волосы миссис Финн, светлые как у Лорен, но тронутые сединой.

– Помни, о чем мы говорили, мам. Упирай на имеющийся опыт, а не на то, что ты давненько не работала.

Прошлым вечером, когда Лорен выполнила и перепроверила домашнюю работу, они разыграли сценку с собеседованием. Она никогда не видела маму такой неуверенной в себе, такой несчастной. Миссис Финн не хочет работать. Ей хочется учить Лорен, как и раньше.

Это, как и сложившаяся ситуация, огорчает Лорен. В прошлом году, когда они еще жили на западе, дела у них шли не очень хорошо. Оставленные отцом Лорен деньги заканчивались, и мама сократила количество любимых ими выездных занятий, на которые они отправлялись, чтобы не сидеть в кухонной академии – так они называли уголок для приема пищи в период с восьми до четырех часов. Лорен даже не знала, что мама перестала платить арендную плату за их квартиру. Поэтому смерть ее бабушки и оставленный им дом обернулись для них благом.

– Лорен, обещай, что попросишь у учителя английского список для чтения. Мне не нравится, что ты будешь скучать в классе весь год, потому что мы уже прочитали и обсудили все книги. Если боишься...

Лорен качает головой:

– Я попрошу. Сегодня. Обещаю.

Миссис Финн похлопывает Лорен по ноге:

– У нас все хорошо, правда?

Лорен не раздумывает над ответом, а сразу же говорит:

– Да, все хорошо.

– Увидимся в три. Надеюсь, время пролетит быстро.

Лорен тянется и крепко обнимает маму. Она тоже на это надеется.

– Люблю тебя, мам. Удачи! – улыбается девушка.

Лорен заходит в школу, с трудом протискиваясь сквозь толпу учеников, которые идут ей навстречу. В классной комнате пусто. Здесь никого не было после выходных, поэтому до сих пор не зажгли свет, а ножки перевернутых стульев торчат вверх, словно четырехконечные звезды, окружая ее, как огромная колючая проволока. Она переворачивает один из них и садится.

В школе ужасно одиноко.

Конечно, с Лорен общались некоторые одноклассники. Большею частью парни, которые подстрекали друг друга задавать ей дурацкие вопросы об обучении на дому, будто она принадлежала к религиозной секте. Лорен ожидала подобного – ее двоюродные братья были такими же глупыми и беспардонными.

Но и с девушками было немногим лучше. Некоторые улыбались Лорен или вежливо рассказывали, куда поставить грязный поднос после ланча. Но никто не относился к ней по-дружески. Казалось, никому не хотелось узнать ее получше, и это лишний раз подтверждало, что Лорен была странной девочкой – девочкой, которая обучалась дома.

Лорен это не должно удивлять. Ее же предупреждали об этом.

Она прижимает подбородок к грудной клетке. И притворяется, что читает записи в тетради, лежащей перед ней на парте. Но на самом деле она украдкой наблюдает за девушками, заходящими в класс и занимающими свои места. Она научилась этому у Рэнди Калпеппера, который проспал в этой позе весь второй урок, и никто этого не заметил.

Но рядом с девушками нет их лидера, красивой девушки со светлыми глазами – глазами цвета льда, большая редкость.

Девушки взволнованно перешептываются. То и дело раздаются приглушенные хихиканья и смешки. Они полностью погружены в свои сплетни. Пока одна из них не замечает, что взгляд Лорен направлен на них.

И хоть та и отводит взгляд, но делает это недостаточно быстро.

– О господи, Лорен! Тебе *так* повезло! Ты хоть представляешь, как тебе повезло?

Девушка расплывается в широкой улыбке. Скорее даже огромной. Она подбегает на цыпочках к парте Лорен.

Лорен поднимает голову:

– Прости?

Девушка чинно кладет листок на открытую тетрадь Лорен:

– Это традиция Старшей школы Маунт-Вашингтона. Тебя называли самой красивой девочкой в нашем классе.

Она говорит медленно, будто Лорен общается на другом языке или до нее все плохо доходит.

Лорен изучает список. И видит свое имя. Но совершенно ничего не понимает. А затем чувствует, как ее по спине похлопывает другая девушка.

– Попытайся выглядеть чуть более счастливой, – ласково шепчет она таким тоном, будто сообщает Лорен о расстегнутой молнии или застрявшей между зубами еде. – А то подумают, что с тобой что-то не так.

Эти невзначай оброненные слова удивляют Лорен еще сильнее, потому что полностью противоречат тому, что, как ей казалось, о ней думают другие.

Глава 5

Сара Сингер планирует расстаться с ним быстро и безо всяких сцен. Она не станет ничего объяснять и приукрашивать. От этого станет лишь хуже. Она просто скажет что-то типа: «С меня хватит, Майло. Нашей дружбе, или как там, черт возьми, ты это называешь, пришел конец. Так что вперед, делай что хочешь. Живи своей жизнью! Стань лучшим другом капитана футбольной команды. Лапай капитана чирлидерш, хотя все знают, что Марго Гейбл мало кому отказывает. Я не стану тебя осуждать».

Правда, последняя часть будет ложью. За это она точно его осудит. Сара садится на скамью и обкусывает края клубничного печенья. Но резкий запах табака, которым пропахли пальцы, забивает сладкий вкус. Она с силой проглатывает то, что уже успела откусить, и сколупывает розовую глазурь – свою любимую часть – в траву, потому что весь этот сахар не идет на пользу. Пусть это едят белки, ей же надо успокоиться. Сара отводит в сторону перепутавшиеся потускневшие цепочки и кладет руку на сердце. Оно трепещет, как у колибри, так быстро, что удары сливаются в ровное, причиняющее неудобство гудение.

Девушка срывает целлофан с новой пачки сигарет и закуривает. Поднявшийся ветерок относит дым в сторону, но Сара знает – Майло учует его, когда придет в школу. Он похож на полицейскую ищейку, которую натренировали все вынюхивать.

Прошлой ночью, после того как Майло рассказал удручающие подробности о последних днях своей тети, умершей от рака легких, Сара высунулась из окна по талию, выкурила сигарету и пообещала парню, что всерьез задумается над тем, чтобы бросить курить.

Вспоминая это, Сара смеется и выдыхает дым, который медленно растворяется в холодном утреннем воздухе.

Прошлой ночью она много чего говорила.

Но Майло... очевидно, он нес чушь с самого первого дня их знакомства.

Не важно. Пусть он и дальше язвит, что Сара курит. Она с облегчением сменит свои тревоги на что-то другое, например на злость, направленную на Майло.

Сара видит двух одиннадцатиклассниц, спешащих по тротуару. Она знает их обеих, но ей кажется, что *все эти одиннадцатиклассницы в Маунт-Вашингтоне выглядят чертовски одинаковыми*. У всех мелированные волосы по плечо, дурацкие ботинки из овчины, маленькие сумочки, перекинутые через плечо, в которые вмещаются лишь сотовый, блеск для губ да деньги на ланч. Они напоминают ей зебр, которых, благодаря их одинаковому окрасу, не может различить хищник. Универсальный метод выживания. В стиле Старшей школы Маунт-Вашингтона!

Девчонки останавливаются перед скамейкой, на которой сидит Сара, и склоняются друг к другу; каждая сжимает в руке листок бумаги. Та, что пониже, хватается за подругу и выдает серию пронзительных смешков. Другая лишь вдыхает, издавая безостановочные хрипы.

И это нервирует Сару.

– Эй! – рявкает она. – Почему бы вам, дамочки, не поболтать в другом месте?

А затем зажженной сигаретой, как указкой, она указывает вдаль.

Вполне справедливая просьба. В конце концов, эти девчонки могли бы потусоваться в любом другом месте. А это ее скамейка, и все в Маунт-Вашингтоне об этом знают.

Сара обнаружила ее еще в прошлом году. Здесь никто никогда не сидел, потому что она стояла прямо под окном директора. Но Сару это не беспокоило: ей хотелось одиночества.

Так оно и было, пока прошлой весной не появился Майло Иши.

В один из дней он растерянно бродил по школьному двору, новенький лавировал между группами учеников, отчего сильнее бросалось в глаза его отличие от них. Худой вегетарианец с японскими корнями и бритой головой, руки которого были скрещены на груди в оборонительной позе. Он чем-то напоминал Саре ее саму, только в более совершенной версии. Кроссовки, купленные за границей. Дорогие наушники. Ужасно толстая и, вероятно, винтажная черная оправа очков. Парень даже сделал первую татуировку – выбил буддийскую поговорку на правом предплечье.

Понаблюдав за ним несколько минут, Сара пожалела его.

– Эй, новенький! – крикнула она.

Майло был ужасно застенчивым. На грани невозможного. Он ненавидел отвечать на уроках, а во время ссор своих родителей покрывался пятнами. Было сложно пробиться сквозь его скорлупу, но когда это случилось, Саре показалось, что она нашла родственную душу, такого же изгоя, как она сама. Ей нравилось, когда Майло доставал ее рассказами о своей жизни в Уэст-Метро и учебе в старшей школе с художественным уклоном. Он говорил, что Уэст-Метро – третьесортный городишко, но для Сары, привыкшей к Маунт-Вашингтону, он был как Нью-Йорк. В старшей школе Уэст-Метро ученики ездили в музеи изобразительных искусств, у них не было никаких спортивных команд, а в драмкружке девочки не выпендривались, чтобы попасть на радио со слащавыми песенками, спетыми под фонограмму.

На этой скамейке Сара и Майло встречались каждый день до и после уроков, делали домашнее задание и делили одни наушники на двоих, слушая скачанные с пиратских ресурсов песни. Это был оазис, в котором двое когда-то одиноких, необщительных подростков сумели найти общий язык.

Однажды Сара попыталась вырезать на скамье их имена, но, сломав украденный из столовой ножик уже после третьего взмаха, поняла, что древесина была покрыта каким-то высокотехнологичным составом. Поэтому она постоянно таскает в сумке черный маркер, чтобы обновлять их инициалы, как только они начинают затираться.

Заметив подъезжающий автобус Майло, Сара заправляет длинные пряди черных волос за уши. Он побрил ей затылок несколько недель назад, сразу после того, как закончил брить свой, но волосы отрастают быстро. Золотисто-каштановые, чистые и мягкие, как у щенка, волоски совершенно не сочетаются с крашеными черными прядями, что свисают спереди. Это ее натуральный цвет. Сара уже почти позабыла, каким он был.

Долговязый и костлявый Майло направляется в сторону девушки, читая мангу. С каждым шагом его острые коленки все заметнее выпирают из-под зеленой бахромы обрезанных штанов. Он клянется, что носит шорты независимо от погоды. Но Сара считает, что он просто никогда не проводил зиму в Маунт-Вашингтоне. И как только парень придет в джинсах, она сразу ткнет его в это носом.

Сара ловит себя на том, что улыбается, и быстро делает очередную затяжку.

– Йо, – говорит она, когда Майло доходит до скамьи, и собирается приступить к тяжелому разговору.

Майло отрывает взгляд от манги.

На его лице расплывается такая широкая улыбка, что появляются ямочки.

– Ты в моей футболке, – ухмыляется он.

Сара осматривает себя.

Майло прав. Это не ее футболка. На черной ткани нет белых разводов, оставшихся после осветления волос. Она всегда сначала разделяет их на пряди, а потом осветляет, поэтому новый цвет ложится безупречно и смотрится более насыщенно. К тому же это единственный способ убедиться, что не проявится прежний цвет.

– Можешь оставить себе, – застенчиво бормочет Майло.

– Мне не нужна твоя футболка, Майло. – На самом деле, будь у Сары с собой другая одежда, она бы тут же переделалась. – Очевидно, прошлой ночью я схватила не ту. А так как еще не стирала свои вещи, то натянула ее этим утром. – Девушка прочищает горло. Черт! Она все портит. – Слушай. Я хочу вернуть свою футболку. Принеси ее завтра.

– Без проблем.

Майло садится рядом с Сарой на скамью и снова погружается в мангу. Саре видно рисунки на странице. Невинная школьница с выразительными глазами и в плиссированной юбке трясется от страха перед диким, огрызающимся зверем.

Когда девушка отводит взгляд, в ее голове возникает мысль: «Ничего удивительного».

Майло молча прочитывает несколько страниц, а потом вдруг выдает:

– Ты ведешь себя странно. А говорила, что не будешь так себя вести.

Он ошибается.

– Давай не будем превращать это во что-то странное, хорошо? – вот что сказала вчера Сара, когда вышла без джинсов из укромного местечка между стеной и его шкафом.

Она не стала снимать остальное – толстовку с капюшоном, носки и нижнее белье.

– Хорошо, – сказал Майло, широко раскрыв глаза и развалившись на выпцветших простынях с Микки Маусом – вероятно, они у него с самого детства.

– Никаких разговоров, – приказала Сара, нырнув под одеяло.

Через некоторое время вся одежда была снята. Но не цепочки. Сара никогда не снимала их. Майло забрался на нее, вжимая крохотные металлические петли в ее ключицы.

Сара потянулась к тумбочке и включила стереосистему как можно громче; заиграл один из миксов, записанных ею, когда они только познакомились. Вибрации сотрясали хлам, сложенный Майло на комод, и оконное стекло, которое издавало жужжание. Но, несмотря на это, Сара все равно слышала горячее, учащенное дыхание Майло рядом с ухом. А временами и стоны. И услышала слабый вздох. Который сорвался с ее губ.

И именно он заполняет голову Сары, как эхо, снова и снова насмехаясь над ней.

Она отворачивается от Майло:

– Я *не* веду себя странно. Просто не хочу обсуждать прошлую ночь. Даже не хочу *думать* о ней.

– О, – печально произносит Майло. – Хорошо.

Сара не позволяет себе испытывать чувство вины. Это Майло во всем виноват.

Сара затягивается и выдувает дымок в сторону рюкзака Майло. Она знает, что в нем лежит альбом для набросков. И могла бы прямо сейчас дотянуться до него, отыскать ту страницу и спросить парня: «Почему ты ничего мне не рассказывал?»

И именно это она и сделает. Но ее слова заглушают стоящие возле скамьи девчонки.

Их стало вдвое больше – не две, а четыре. Они кричат и смеются, совершенно не обращая внимания на драматическую сцену прямо у них под носом.

Сара чувствует на пальцах жар. Сигарета прогорела до фильтра. Со щелчком она отсылает оранжевый бычок в сторону девчонок. И тот отскакивает от пушистого желтого свитера одной из них.

Майло кладет ладонь на руку девушки:

– Сара.

– Ты могла поджечь меня! – визжит девчонка и начинает размахивать руками, проверяя, не осталось ли дыры на одежде.

– Я вежливо просила вас убраться отсюда, – парирует Сара. – Но вы не захотели сделать это по-хорошему.

Девушки синхронно переступают с ноги на ногу.

– Извини, Сара, – размахивая листком, говорит одна из них. – Просто это *очень* смешно.

– Именно такими и должны быть шуточки в узком кругу, – рявкает Сара. – Они смешны лишь для тех, кто в теме, а остальных это раздражает.

Майло смеется над ее остроумным высказыванием. И от этого ей становится немного лучше.

Обменявшись заговорщическим взглядом с подругами, одна из девчонок выступает вперед.

– Что ж, давайте мы вам все объясним, – предлагает она.

Как только на ее коленях оказывается листок, Сара понимает, что это. Проклятый список.

Было тошно наблюдать из года в год, как девчонки из ее школы оценивают друг друга и делят на группы, опуская одних и превознося других. Так противно. И грустно. Это... ее имя?

И приписка: «Будто она старается быть как можно уродливее!»

Сара поднимает голову. Девчонки ушли. Это похоже на шуточный удар под дых – ты скорее удивлен, чем испытываешь боль, но и ударить в ответ не можешь.

– Что это?

Майло берет листок.

Он перевелся в Старшую школу Маунт-Вашингтона прошлой весной, поэтому ничего не знает о дурацкой традиции. У Сары начинает болеть голова, пока парень читает список. На долю секунды у нее возникает желание все ему объяснить, но она лишь грызет ноготь. И ничего не говорит. Да и не должна. Там и так все написано, на этом чертовом дурацком листочке.

Майло кривится:

– Каким нужно быть придурком, чтобы написать такое?

– Ты думаешь, его составляют парни? – усмехается Сара. – Да ладно тебе. Скорее группа таинственных злобных шлюх. Это происходит каждый год – мазохистский приквел к школьным танцам. Клянусь, не могу дождаться, когда свалю к черту с этой горы.

И она хочет этого по многим причинам.

Майло просовывает руку в задний карман Сары – у него теплая рука – и достает зажималку. Несколько раз чиркает, отчего вспыхивает пламя. А затем подносит его к уголку листка.

Приятно наблюдать, как от бумаги остается лишь кучка пепла. Но Сара знает, что копии этого листка развешены по всей школе. Все будут пялиться на нее, желая увидеть ее смущение и унижение. Ведь такая стойкая девушка выбита из седла и вынуждена признать, что ей не плевать на мнение окружающих. Сара втирает пепел в землю кроссовкой.

«Я такая тупица», – думает девушка. Она верила, что если будет держаться особняком, то девчонки не будут трогать ее и им удастся сосуществовать в хрупкой, но пока функционирующей экосистеме. С этого начиналось каждое утро в автобусе. Сара плюхалась на первый ряд, натягивала капюшон, засовывала в уши наушники и дремала, прислонившись головой к окну. Ей было проще отключиться от происходящего, чем выслушивать, как девчонки поливают друг друга дерьмом, а на следующий день заявляют, что они лучшие подруги.

В школьницах Маунт-Вашингтона ее больше всего раздражало лицемерие. Здесь их завлечения в вечной дружбе и любви были такими же лицемерными, как в средней школе, где все подыгрывали друг другу и притворялись, что даже через двадцать лет их дешевые браслеты «Друзья навеки» не потускнеют. И так же, как и Сара в седьмом классе, некоторые девчонки здесь впадали в немилость. Но она была единственной, кто никогда не стремился произвести на окружающих впечатление, и именно поэтому ее ненавидели еще больше.

Эволюция дает подсказки бестолковым. Животные обладают различными отличительными признаками, например яркой окраской, которая показывает, насколько они ядовиты. Поэтому Сара потрудилась, чтобы никому не пришло в голову, что она хочет быть похожей на местных школьниц.

Самое досадное, что она *могла* бы походить на них. Могла бы отовариваться в их магазинах, скупая уродливые ботинки и крохотные сумки, прыгать под их идиотскую музыку.

И если девчонки считают Сару уродиной из-за того, что она отличается от них, то ее это только радует.

На самом деле миссия выполнена!

– Забудь, – говорит Майло. – Эти так называемые красотки заблуждаются. Это они уродливы.

Сара смотрит на Майло. Если бы он сказал это вчера, до того как Сара узнала о нем правду, то она безоговорочно поверила бы парню и почувствовала себя лучше. Но сегодня все изменилось, и ее уже не обмануть. То, что было между ними, закончилось. Должно было закончиться. Она не станет притворяться и не будет делать вид, будто не понимает, что Майло не тот, за кого себя выдает.

Но при этом Сара рада, что он рядом. По крайней мере, на данный момент. Потому что ей нужна его помощь.

Она кладет свой рюкзак на колени и достает из переднего кармашка черный маркер:

– Сделай мне одолжение. Напиши как можно крупнее на моем лбу «УРОДИНА».

Майло отшатывается:

– Зачем? Почему ты хочешь это сделать?

Сара молчит, обдумывая ответ, а потом просит:

– Сделай это, Майло.

Парень отпихивает маркер:

– Сара, прошлой ночью мы *переспали*.

Он так серьезен. И это бесит Сару.

– Майло! Ты же не хочешь, чтобы я разозлилась! Я бы написала сама, но сделаю это задом наперед. Пожалуйста.

Майло ворчит, но опускается на колени и откидывает волосы с ее лба.

Он проводит маркером по коже девушки. Пока он пишет, она смотрит на окна уборной на втором этаже. Оттуда на них таращатся девчонки – они знали, что Сара будет здесь, и пришли проверить, слышала ли она про список. Сара приветствует их средним пальцем.

– Буквы должны быть как можно больше, – говорит она.

У нее кружится голова от пряного аромата чернил. Или от предвкушения. Майло со щелчком закрывает маркер, но Саре кажется, будто сработала «хлопушка», которую используют для киносъемок. Шоу начинается.

– Кстати, мне это совсем *не* нравится, – шепчет Майло, когда они проходят сквозь главные двери Старой школы Маунт-Вашингтона.

– Ну, так не иди со мной, – огрызается Сара. – Я не шучу.

И она дает ему шанс уйти, выбрать легкий путь.

Майло открывает рот, потом задумывается.

– Я пойду с тобой, – говорит он наконец. – Я каждый день провожаю тебя до кабинета.

Его взгляд снова останавливается на словах, написанных на лбу Сары, и уголки его рта опускаются.

У Сары комок застревает в горле. Она, черт возьми, не в силах сейчас разобраться с Майло. Поэтому прибавляет шаг. От этого волосы разлетаются в стороны, и слово, написанное на ее лбу, видно всем. И все смотрят на нее. Но лишь секунду. Как только школьники замечают, что Сара сделала с собой, они тут же отводят взгляды. Они предпочитают смотреть куда угодно: на свою обувь, на друзей, на тетради, – только не на нее.

Список так сильно зомбирует дурачков, что они даже и не думают оспорить то, что в нем написано, как и слово, которое Майло вывел маркером на лбу Сары.

Проклятые ссыкуны!

Но осознание этого не улучшает настроение Сары. На самом деле ей становится только хуже. Ребята не только считают ее уродиной, но и желают, чтобы она стала невидимкой.

Глава 6

На полпути к школе сестра Бриджит Ханикат, Лиза, начинает выпрашивать у нее помаду.

– Ни за что, Лиза. Мне не разрешали краситься до десятого класса.

– Ну же, Бридж! Пожалуйста! Пожалуйста! Пожалуйста! Пожалуйста! Мама не узнает.

Бриджит прижимает дрожащую руку к виску:

– Хорошо. Как скажешь. Только... помолчи, ладно? У меня сильно болит голова.

– Ты, наверное, просто хочешь есть, – говорит Лиза, а потом тянется на заднее сиденье к сумке сестры.

Она роется в ней, а затем достает небольшой черный тюбик.

Краем глаза Бриджит видит, как сестра опускает козырек. Лиза проводит по губам кисточкой, окрашенной в розово-персиковый цвет, сжимает их и посылает Бриджит воздушный поцелуй.

От розовой помады брекеты Лизы кажутся еще ярче, но Бриджит не станет говорить этого сестре.

– Красиво, – хвалит она.

Лизин рот растягивается в улыбке.

– Когда я дорасту до твоих лет, то буду каждый день красить губы красной помадой.

– Красный не гармонирует с твоей кожей, – усмехается Бриджит. – Ты слишком бледная.

Лиза качает головой:

– Красная помада идет всем. Так написано в «Бог». Просто надо подобрать *верный* оттенок. А девушкам с темными волосами и бледной кожей подходит темно-красный.

– С каких это пор ты читаешь «Бог»? – интересуется Бриджит, вспоминая радугу из корешков книг о лошадях на полке над кроватью Лизы.

– Мы с Эбби купили сентябрьский номер и прочитали его от корки до корки на пляже. Нам хотелось подготовиться к старшей школе.

– Ты меня пугаешь.

– Не волнуйся. Мы мало что нового там узнали, кроме оттенков красных помад. Но присмотрели пару платьев для танцев. Эбби будет рада, если тебе понравится то, которое она выбрала. Это платье подошло бы и для красной дорожки. – Лиза надувает губы. – Надеюсь, я тоже найду что-нибудь миленькое.

Бриджит стирает с подбородка сестры пятно от помады:

– Я же обещала на этой неделе пройтись с тобой по магазинам. Мы подберем тебе платье.

– Как думаешь, мама разрешит накраситься на танцы? Я хочу спросить у нее про это после того, как покажу оценку за тест по земледелию, если, конечно, сдам его на отлично. Хороший план?

– Возможно... если только мама уже не ждет от тебя А¹.

– А еще я бы могла накраситься тайком, как только попаду на танцы. Просто надо будет не фотографироваться, пока не накрашусь.

Когда Бриджит припарковывает машину, Лиза кладет помаду на приборную панель и хватает свои вещи:

– Увидимся!

---

¹ Многие колледжи, университеты и школы в США используют буквенную систему для оценки успеваемости учащихся. В этой системе «А» выставляется за отличную работу, «В» – за хорошую, «С» – за удовлетворительную, «D» – за плохую и «F» – за неудовлетворительную работу. Каждая оценка, кроме F, может быть с плюсом или минусом, означающими промежуточный уровень. Например, «В+» – это «очень хорошо», но еще не «отлично».

Бриджит провожает взглядом сестру, которая несется к Островку Девятиклассников, лавируя в толпе учеников, ее переполненный портфель бьет по ногам, а длинный черный хвостик свисает вдоль спины. Лиза растет слишком быстро, но иногда ведет себя как маленькая девочка.

И Бриджит надеется, что и для нее еще не все потеряно. Что она вновь может стать такой, какой была в начале лета.

Она глушит машину и замирает на несколько минут, собираясь с силами. Бриджит окружает тишина, прерываемая лишь ее глубоким, размеренным дыханием. И голосом в голове, выкрикивающим указания.

Ты должна позавтракать сегодня.

Позавтракай, Бриджит.

Поешь.

Эти слова Бриджит повторяет каждое утро. Нет, во время каждого приема пищи. Она пережевывает каждый кусочек под монотонную мантру. Эту своеобразную мысленную поддержку, необходимую ей для совершения того, что любая другая девчонка считает чем-то обыденным.

Бриджит поднимает помаду и проводит пальцем по тонкому слою пыли, скопившемуся на приборной панели. Она хочет гордиться тем, что ей стало гораздо лучше. Что она ест больше. Но эта победа расстраивает сильнее, чем неудача.

Знакомая Бриджит барабанит по стеклу, приветствуя ее. Подняв голову, Бриджит выдавливает улыбку. Улыбка фальшивая, но подруга этого не замечает. Никто не замечает.

Все очень быстро пошло не так, и это пугает. Бриджит много размышляет на эту тему. Большая часть прожитых семнадцати лет была самой обычной, predetermined и контролируемой. Пока кое-что не выбило девушку из колеи.

И, как ни странно, все дело в бикини.

В начале и в конце каждого лета Бриджит посещала торговый центр Крестмонта.

Он находился ровно посередине между Маунт-Вашингтоном и пляжным домиком, в котором семья Ханикат проводит все лето. Родители Бриджит обычно останавливались по пути туда в Крестмонте, чтобы пообедать, заправить машину на вторую половину пути и закупить одежды. В июне Бриджит и Лиза запасались летними вещами. А в августе, на обратном пути до Маунт-Вашингтона, выискивали кардиганы и шерстяные юбки для школы со скидкой.

С началом летних каникул сумки Бриджит наполнились новыми топами, шортами, джинсовой юбкой и двумя парами шлепок. Не хватало только нового купальника.

Из бикини, которой девушка носила прошлым летом, вылезла косточка, а в танкини, что она надевала в позапрошлом году, не влезла грудь, поэтому она отдала его Лизе. Для Бриджит сорвать ярлычки с новенького купальника было сродни перерезанию ленточки на открытии магазина или началу строительства какого-нибудь объекта. Торжественное открытие летнего сезона – вот что это значило.

Девушка задалась целью найти себе отличный купальник. И поэтому носилась по бутикам.

– Бридж, нам пора, мы хотим добраться до домика к ужину, – следуя за ней по пятам, со вздохом произнесла мама. А затем вытерла салфеткой из ресторана пот над верхней губой. – Папа с Лизой ждут в машине и, вероятно, умирают от жары. Поищешь купальник завтра на набережной.

Но Бриджит это не устраивало. В тех магазинах можно было найти лишь два вида купальников: неоновые треугольнички, которые будто сошли со страниц «Плейбоя», или старомодные сплошные купальники с цветочками для бабушек.

Сейчас или никогда!

С ее последнего посещения торгового центра Крестмонта здесь открылось несколько бутиков, и Бриджит остановилась напротив одного из них, со знакомой вывеской. Это был магазин для серфингистов – с длинными досками, которые использовались в качестве кассы, занавесками из бисера вместо дверей в раздевалки и звонкими песнями, доносящимися из подсобки. Такой же магазин был в их родном городе, только здесь одежда продавалась с дисконтом.

Войдя туда, Бриджит заметила бикини в мелкую клеточку цвета апельсинового шербета с белыми кружевами вместо завязок. Оно продавалось со скидкой в пятьдесят процентов на последний экземпляр, идеально подходивший ей. Миссис Ханикат напомнила дочери, чтобы та не вздумала снимать нижнее белье, если не хочет ничем заразиться, и Бриджит побежала в примерочную.

Но, натянув плавки, Бриджит нахмурилась. Удивительно, но они были малы. Эластичная ткань впивалась в ноги. Может, дело в трусах? Бриджит сняла их и снова надела плавки, но лучше не стало. Ее живот превратился в мягкий, упитанный валик, выпирающий над завязками на бедрах. И верх тоже был тесным. Лямки врезались в кожу, и когда девушке удалось растянуть ткань на груди – фу! Она снова располнела! Бриджит никогда не считала себя толстой, пока не увидела, как плотно ее тело обтягивает ткань купальника. И отражение в зеркале примерочной напугало девушку. Она запаниковала, вспомнив вечеринку у бассейна, которая состоялась на прошлой неделе в доме ее подруги в честь окончания школы, тогда она весь день прощеголяла на глазах парней и девчонок в старом бикини, даже не прикрывшись футболкой, так как понятия не имела, насколько ужасно выглядела.

Бриджит проверила размер на этикетке, надеясь, что ошиблась, но это было не так. Бикини было того же размера, что и вся купленная ею новая одежда. Ее размера.

Это простой торговый центр!

Вот почему одежда дешевая. Потому что сшита не по стандартам. С недочетами. И дефектами.

Но, даже зная это, Бриджит не могла успокоиться.

Хоть она и понимала это, но не могла смириться с этой мыслью. Гладкий купальник снялся легко, после чего девушка поспешно натянула свою одежду и повесила купальник обратно на вешалку. Печально, но это бикини было миленьким. Очень миленьким. Или было бы таким, будь она худее килограмма на два.

Бриджит, пригладив волосы, вышла из примерочной. Миссис Ханикат с нетерпением и кредиткой наготове ожидала дочь у стойки, болтая с продавщицей. Пояс темно-синих льняных штанов миссис Ханикат был отчетливо виден под белой блузкой без рукавов, кожа на открытых руках натянулась, будто готовясь лопнуть, как сосиска, оставленная на гриле. Ее мама никогда не носила шортов. Никогда не плавала в океане. Она предпочитала находиться в прохладных помещениях, чтобы не приходилось снимать широких брюк.

Тетки Бриджит частенько говорили ей, что она очень напоминает маму, когда та была подростком. И, глядя сейчас на маму, девушка поняла, что не может припомнить ее худой.

Бриджит положила бикини на стойку и рассеянно обвела взглядом магазин, пока мама оплачивала покупку.

Возвращаясь к машине, Бриджит успокаивала себя тем, что так поступали все. Люди покупали одежду меньшего размера в надежде, что она заставит их сбросить несколько килограммов. Этакая награда за хорошее поведение. Бикини стало для Бриджит испытанием. И она надеялась преодолеть его к концу лета.

Как только девушка начала задумываться над своими плохими привычками, возник голос разума. Он звенел, как сигнал тревоги, когда Лиза открывала пакетик с чипсами перед просмотром кино или когда Бриджит слишком близко подходила к блюду с солеными ирисками, которые мама постоянно выставляла на кухонную стойку. Несколько месяцев она переосмыс-

ливала свои привычки и теперь не мороженое ела, а бежала по набережной полтора километра до следующего пирса, научилась виртуозно отказываться от потрясающих папиных сэндвичей с тунцом, а потом начала комментировать не только то, что ела, но и то, что только планировала съесть. Девушка позабыла, что была очень красивой, и считала, что до совершенства ей еще далеко, но если она будет стараться изо всех сил, то в один прекрасный день достигнет своей цели.

К четвертому июля испытание было пройдено. С блестящим результатом. И хоть бикини сидело идеально, Бриджит его практически не носила. Вместо этого она почти не снимала джинсы. В конце лета они стали настолько свободными и так висели на талии, что туда с легкостью влезал кулак.

А посетив торговый центр в Крестмонте в конце лета, Бриджит обзавелась новым гардеробом самого маленького размера. Но в глубине души она знала, что ни к чему хорошему это не приведет. Рациональная часть мозга еще функционировала. Не вышла из строя.

У Бриджит урчит в животе.

Выбравшись из машины, она оттягивает подол свитера крупной вязки, стараясь прикрыть полоску кожи, которая выглядывает над поясом джинсов. Они уже не так сильно висят на талии, как четыре недели назад. Или же Бриджит слегка растолстела. Сейчас туда помещается лишь несколько пальцев. А не целый кулак, как раньше.

Раньше ты не была здоровой.

У тебя была проблема, которую сейчас ты взяла под контроль.

По пути к школе волосы лезут Бриджит в лицо, и вместе с ветерком ее обдувает сладкий аромат кокосового шампуня. Он очень сладкий, очень насыщенный. И от этого скручивает живот. В кармане звенит мелочь. Этих денег хватит на бублик со сливочным сыром. Девушка пересчитала монетки после того, как отказалась от тарелки с хлопьями, которую для нее приготовила Лиза. Не стоило так делать, ведь вчера она лишь поковырялась в ужине.

Докажи, что ты в порядке, Бриджит. Съешь бублик с сыром. Съешь его до классного часа!

Каждый понедельник школьный совет накрывает огромный банкетный стол практически напротив шкафчика Бриджит. Туда составляют огромные бумажные пакеты с бубликами и большие упаковки сливочного сыра и масла. Осторожные шаги Бриджит совпадают с ее дыханием. Аромат ошеломляет. Дрожжевая, вязкая закваска. Обжаренные кусочки чеснока. Сладкий запах от раздувшегося в хлебе изюма. Желудок сжимается вновь, но не от голода.

Даже не смей, Бриджит.

Бриджит – это доктор Джекил и мистер Хайд. Две части разума, которые вечно спорят. Она устала от препирательств, постоянных ссор между искаженными формами добра и зла, где правильное кажется неправильным, а неправильное – очень хорошим.

– Бриджит!

Из-за стола с бубликами выходит одна из подруг Бриджит, кончики ее пальцев блестят от остатков масла.

– Ты видела список? – Девушка улыбается так широко, что видно несколько семян мака, застрявших между зубами. – Ты самая красивая девочка в одиннадцатом классе!

Бриджит помимо своей воли широко раскрывает рот. Запах от бубликов заполняет ее, как гелий воздушный шарик для парада в честь Дня благодарения. Грусть и депрессия, охватившие ее по пути в школу, в мгновение ока испаряются и сменяются радостно.

Бриджит Ханикат попала в список?

Невероятно.

Кто-то из девчонок протягивает ей листок. И Бриджит зачитывает вслух:

– Как сильно человек может измениться за лето.

Затем она поднимает голову и краснеет.

Ты знаешь как.

Ты знаешь, что изменилось.

– Вот! – говорит подруга. – Возьми праздничный бублик за счет заведения.

Девушки берет зазубренный нож и разрезает бублик пополам. С лезвия на пол осыпаются семечки и крошки. Когда стол освободят и расчистят, они останутся на полу в коридоре. И, направляясь на первый урок, Бриджит будет чувствовать, как они сминаются и трескаются под ее туфлями. Такие же большие, как гравий. Как булыжники.

– Намазать сверху маслом или сливочным сыром? – спрашивает подруга.

– Ни тем, ни другим, – отвечает Бриджит.

А затем откидывает волосы назад. Они взмокли на шее.

– О! Ну... еще раз поздравляю! – улыбается подруга.

– Спасибо, – тихо говорит Бриджит, беря бублик.

Ей до сих пор не верится.

Бриджит входит в классную комнату. Ее трясет от волнения. Никогда она не мечтала о таком. Конечно, в первые дни учебного года девушка была шокирована количеством полученных комплиментов. Все отмечали ее потрясающий внешний вид. И худобу! А теперь она попала в список. Стала самой красивой одиннадцатиклассницей во всей школе. Это лишь подтверждает, что до этого Бриджит чего-то не хватало. Ей надо было давно сбросить вес.

Как же все запутано.

Ешь.

Отложив рюкзак, Бриджит подходит к мусорке и вжимает пальцы во все еще теплую мягкость бублика. Она отрывает кусочки мягкого теста, затем бросает их, как пенни в колодец желаний, пока от бублика не остается только маленький кусочек. Но и ее Бриджит хочет отправить в мусорку.

Когда Бриджит поднимает голову, то видит бегущих по коридору Лизу и Эбби. Лиза приветливо улыбается Бриджит, невероятно гордясь старшей сестрой. Помада, которой она накрасила губы в машине, поблекла, стала едва заметна.

Бриджит запуталась. И насколько бы правильным ей ни казалось совершенное только что, голос разума она заглушить не смогла. В глубине души девушка понимает, что поступила неправильно. И ненавидит себя за самообман, за то, что не знает, что хорошо и что плохо. В общем-то за то, что ей просто не нравится быть самой собой.

Ешь, Бриджит. Всего пять укусов.

Они могут быть небольшими.

Бриджит откусывает два раза...

Ей нечего праздновать.

Глава 7

Опустив голову, Дженнифер Бриггис пробирается к своему шкафчику сквозь утреннюю толчею, отсчитывая про себя двенадцать зеленых напольных плиток коридора. Стоящие вдоль стен ученики тихо переговариваются, но она все равно слышит каждое слово. Многие одноклассники Дженнифер не разговаривают с ней, а только шепотом обсуждают между собой, и за несколько лет из-за этих еле слышных разговоров с ее ушами произошло что-то странное. Теперь она могла расслышать все, что говорят другие, даже если ей этого совсем не хотелось.

– Ты уже видела список?

– Дженнифер там есть? О господи, держу пари, она снова попала в него. О господи!

– Как думаешь, она знает, какой сегодня день? *Должна* же знать? В смысле, она же не могла *не* запомнить этот день за три последних года?

– Ставлю двадцать баксов на то, что ее снова стошнит, если ее назвали самой уродливой выпускницей. Как в старые добрые времена.

Все разговоры на одну и ту же тему: «Если в этом году в списке вновь будет ее имя, как бесспорная королева уродства Маунт-Вашингтона примет свою корону?»

Дженнифер тоже постоянно думала об этом с тех пор, как в прошлом году ее назвали самой уродливой одиннадцатиклассницей, и это запустило невероятную цепочку событий, будто выстроившиеся костяшки домино. Несмотря на путаные чувства, которые вызывало ее особое положение, прорисовалась явная *дилемма*.

В выпускном году Дженнифер либо не попадет в список... либо попадет.

Но не это интересует всех учеников Старшей школы Маунт-Вашингтона этим утром. Четыре списка, три, два или даже один не могут изменить того, что уже давно признается как факт: Дженнифер Бриггис несомненно, бесспорно и безоговорочно уродлива. Поэтому она знает – все в коридоре с нетерпением ждут ее реакции. Это же будет *настоящее* шоу. И желание ребят посмотреть на что-то грандиозное, что-то неприятное ей не подвластно, как и выбор быть красивой или уродливой девушкой. Хотя в какой-то степени в этом она сама виновата.

Когда в девятом классе имя Дженнифер попало в список, она мгновенно превратилась в легенду. Ведь никогда уродливые девочки не реагировали так бурно.

В тот день Дженнифер уселась на пол у своего шкафчика и беззастенчиво вопила, пока ее лицо не покрылось смесью из слез, соплей и пота. Она теребила список в своих руках, пока он не превратился в сырой измятый комок. Ее щеки и глаза покраснели от лопнувших капилляров.

Дженнифер едва пережила самое ужасное лето в своей жизни, и теперь это?

Девятиклассники дружно отступали назад и с ужасом таращились на нее, будто перед ними лежало мертвое тело. Только вот Дженнифер была живой. Но тут она стала задыхаться, а затем ее вырвало. Металлический запах заполнил коридор, и большинство учеников предпочли разбежаться по кабинетам, но некоторые лишь прикрыли одеждой носы. Кто-то позвал медсестру, которая помогла Дженнифер подняться, протянув к ней руки в резиновых перчатках. А затем проводила до медкабинета и уложила на кушетку в темном углу.

Дженнифер не могла унять слезы. Она так громко завывала, что ее слышали в классах даже за закрытыми дверьми. Ее страдание отражалось от всех железных шкафчиков, превращая коридоры в один большой дребезжащий микрофон, который транслировал ее муки по всей школе. В итоге медсестра отправила Дженнифер домой, где та провела остаток дня в кровати, жалея себя. А на следующее утро, когда она вернулась в школу, на нее никто не смотрел. Дженнифер нашла этому несколько оправданий, но чувствовала себя ужасно одинокой. Дженнифер точно знала, что ее жизнь уже не будет прежней. Несмотря на то что все лето она держалась так, будто ничего не произошло, и молилась, чтобы все вернулось на круги своя, список все разрушил. И после такого шоу она уж точно никогда не сможет притвориться, что ничего не было. Оставался только один вариант – двигаться дальше.

Но это оказалось сложнее всего. До Дженнифер ученики помнили лишь самых красивых девчонок, а самые уродливые оставались в тени. Но она нарушила эту тенденцию. Теперь никто ее не забудет.

К началу учебного года в десятом классе Дженнифер уже позабыла о злополучном списке и решила, что начнет все сначала.

За прошедший год она обрела некоторую уверенность в себе, прошла пробы в хор и подружилась с двумя девушками, как и она, поющих партии сопрано. Они ничем не выделялись и за пределами хора старались не привлекать к себе внимание. Они не особо круто одевались и никогда не поддерживали предложения Дженнифер – предпочитали проводить вечера за просмотром старого мюзикла, вместо того чтобы, скажем, пытаться пробраться на вечеринку.

Но Дженнифер знала, что нищим выбирать не приходится. И ничто не будет так же хорошо, как и прежде. Ей просто нужно правильно использовать представившиеся возможности.

В то утро, когда развешивали в школе злополучный список, десятиклассница Дженнифер отправилась в школу на автобусе, отлично понимая, какой сегодня день, но у нее даже и мысли не было, что ее назовут самой уродливой среди одноклассниц. На самом деле ей не терпелось посмотреть, кого же именно выберут. У нее было несколько предположений, ведь практически любая из ее подруг по хору могла получить это звание.

В тот раз, увидев свое имя, Дженнифер не сбежала домой. Она немного поплакала в уборной, пока никто не видел, но не рыгала и не закатывала сцен – незначительное улучшение. А ее подруги сделали все возможное, чтобы утешить ее.

Когда в одиннадцатом классе Дженнифер снова увидела свое имя в списке, она засмеялась. Не потому, что считала это смешным, а потому, что это было нелепо. Она не обманывала себя – знала, что ее не назовешь самой красивой. Но неужели не было бы справедливым передать эстафету уродства кому-нибудь другому?

В тот раз она не пролила ни слезинки. А подруги по хору вновь утешали ее, но что самое интересное, к ней подходили многие ученики и извинялись перед ней. Они не говорили, за что конкретно просят прощения, но догадаться было несложно: ни одна девчонка не должна быть признана самой уродливой три года подряд. Это было слишком жестоко, слишком подло. Ведь были и другие девчонки, которых можно было удостоить этой чести, не только ее. И такое внимание к ее персоне было явно незаслуженным.

Дженнифер злилась из-за этого унижения, но любезно принимала их поддержку. А потом заметила, что это помогло окружающим расслабиться. Успокоиться. Казалось, что все ученики школы оценили, что Дженнифер восприняла случившееся со смирением. И поняли, что она не собирается ставить их в неловкое положение, как это было в девятом классе. Не было ни истерик, ни поиска виноватых, ни рвоты. Девушка отлично держалась.

Дженнифер хорошо понимала, что произошло. Этот список, так или иначе, поднял ее статус в школе. Практически все знали Дженнифер, в отличие от других уродливых девушек, таких как ее подруги.

Она спокойно проучилась весь год. Получила более-менее приличные оценки. И перестала тусоваться с девчонками из хора. На самом деле они ей не очень-то и нравились.

Преодолев двенадцать зеленых плиток, Дженнифер резко поворачивается. Затем крутит замок влево до десяти, направо до двадцати двух и обратно до одиннадцати.

Дженнифер собирается с силами и открывает шкафчик. Все в коридоре наблюдают, как белый листок неторопливо планирует на пол и приземляется в нескольких сантиметрах от ее ног. Она видит оттиск Старшей школы Маунт-Вашингтона. Правда, заверенная печатью, специальная доставка.

Дженнифер разворачивает листочек. Пропускает остальные классы и имена других девочек, переходя прямо к выпускникам.

Марго Гейбл – самая красивая.

Как бы Дженнифер ни хотелось, чтобы этот статус Марго присвоили незаслуженно, но это не так.

А чуть выше ее имя, рядом со званием «самая уродливая», которое беспрецедентно присуждается ей четвертый год подряд.

Она разыгрывает удивление. Кто-то хлопает в ладоши. Кто-то и в самом деле хлопает в ладоши. *Барабанная дробь, пожалуйста.*

Дженнифер скидывает рюкзак с плеча. Он падает на пол с глухим стуком, который кажется еще громче в окружающей тишине. А затем колотит по дверце шкафчика, пока руки

не начинают гореть. Эти звуки пугают всех, кто наблюдает за ней, шокируют, как разряд электрошокером.

Дженнифер поворачивается к толпе. И начинает прыгать – ноги врозь, руки вверх, – демонстрируя всем листок, будто участница группы поддержки, которая размахивает плакатом «В бой, альпинисты, в бой!». Она как можно громче кричит: «Уххууууу!» – и торжественно поднимает и опускает список.

Некоторые ученики улыбаются. Хлопков становится больше, а после реверанса Дженнифер раздаются полноценные аплодисменты.

Подняв руки, чтобы любой мог дать ей пять, Дженнифер устремляется по коридору. И многие спешат ее поприветствовать.

К концу дня становится ясным одно: Дженнифер совершила подвиг, которым не может похвастаться ни одна ученица Старшей школы Маунт-Вашингтона, пережила то, чего не случилось ни с кем до нее. И от этого она чувствует себя особенной. Дженнифер вспоминает старую поговорку: «Свои беды превращай в победы». Она улыбается как можно шире, чтобы никому и в голову не пришло, что ей может не нравиться этот подарок судьбы.

Ей хочется, чтобы все знали – она достойно прошла весьма длинный путь.

Глава 8

Марго Гейбл и ее лучшие подруги Рейчел Потчак и Дана Хасан идут по переполненному коридору, выстроившись в линию, а остальные расступаются перед ними. Головы девчонок склонены, а волосы свисают вниз, укрывая их перешептывания занавесом. Они не обсуждают список, как мог бы подумать посторонний. Они хихикают над пальцами ног миссис Ворт. Эти пальцы, шишковатые и выглядывающие из ортопедических сандалий, то и дело привлекали внимание Марго на четвертом уроке, и она пропустила мимо ушей лекцию по алгебраическому уравнению по представлению ленты Мёбиуса, мысленно разгибая покореженные, перекрывающие друг друга суставы.

– Как человек с такими отвратительными ногами решился купить сандалии? – спрашивает Рейчел.

– Без понятия, – отвечает Дана. – Эй, алло! Уже конец сентября. Почему она вообще их носит?

Раздумывая над ответом, Марго собирает волосы в неаккуратный пучок на самой макушке и закрепляет его с помощью карандаша. Может, миссис Ворт они необходимы по медицинским показаниям?

Из-за этого Марго не замечает директора Колби, притаившуюся у лестницы, пока та не хватает ее за руку, отчего Марго резко останавливается.

Директор Колби – новенькая и, как кажется Марго, самая молодая учительница Старшей школы Маунт-Вашингтона. На ней красная юбка-карандаш и кремовая шелковая блузка с крохотными желтыми бусинками вместо пуговиц. Ее темные волосы собраны в низкий хвостик, кроме длинной и небрежной челки, – Марго знает, что во многих журналах рекомендуют стричься именно так.

Кто-то из подружек Марго сказал, что директор Колби могла бы быть ее старшей сестрой. Но, увидев директора вблизи, Марго считает, что ее *настоящая* старшая сестра Морин гораздо красивее.

– Марго, я хочу поговорить с тобой насчет списка. У тебя есть минутка?

Марго предполагает, что это будет быстрый разговор, если его можно так назвать. Поэтому прячет языком за щеку арбузную жвачку и говорит директору Колби, что ничего не знает о списке.

Директор Колби прищуривается:

– Ну, Марго... ты же знаешь, что тебя внесли в список, верно?

Подозрение, прозвучавшее в голосе директора Колби, застаёт Марго врасплох, и ей уже не хочется улыбаться. Будто улыбка может составить о ней ложное впечатление. Девушка убирает несколько прядей своих мягких волос за ухо.

– Да, – признается она. – Кто-то говорил об этом на классном часу.

На самом деле Джонатан Полк, которого назначили на главную роль в «Грошах с неба», зачитал весь список, перекрикивая утренние объявления по радио. А после этого безуспешно пытался уговорить Марго раскланяться. Вновь оказаться в списке круто. Она попала в него в девятом классе, Дана – в десятом, а Рейчел – в прошлом году, когда они учились в одиннадцатом. В том же году в список попала и ее сестра Морин, а через пять дней ее выбрали королевой танцев – обычно так всегда и бывало.

Марго даже подумывала написать Морин – та сейчас учится в колледже, – но решила не делать этого.

Они уже несколько недель не общались.

Директор Колби достает из небольшого кармана юбки копию списка. Листок сложен несколько раз, как оригами.

– Так как я здесь недавно, то надеялась, что ты прольешь свет на это. Расскажи мне о списке, – просит женщина.

Марго пожимает плечами:

– Не знаю. Я считаю это странной школьной традицией. Ей не по себе вот так, в открытую, обсуждать список с преподавателем. Марго почти уверена, что учителя в школе сами все знают. Да и как они могут не знать? Те, что учились здесь – например, миссис Борт, – могли и сами когда-то попасть в список! Марго бы сказала, что они терпят это во имя традиций. Но при этом понимает, что, скорее всего, им наплевать.

– И ты не знаешь, кто стоит за этим?

Дана и Рейчел останавливаются в нескольких шагах от беседующих, пытаясь что-нибудь услышать.

– Нет, – как можно увереннее отвечает Марго.

Директор Колби скептически смотрит на нее:

– Ты знаешь других девочек из списка?

Она протягивает лист Марго, но та держит руки за спиной.

– Думаю, двух-трех из них.

– Ты согласна с кандидатурами? Или выбрала бы других?

– Директор Колби, до этого момента я даже не видела всего списка. И ничего не знаю.

Правда.

Но директор Колби не верит Марго и взмахом руки отсылает Рейчел и Дану, которые подошли чуть ближе:

– Идите, девушки. Вы же не хотите опоздать.

Когда подруги Марго сворачивают на лестницу, директор Колби отводит ее к стене. Марго узнает аромат духов, которыми та пользуется – такой же флакон стоит и на ее комодке, – но не решается это озвучить.

– У меня проблемы? – спрашивает она.

– Нет, – отвечает директор Колби. Хоть Марго и не ждет продолжения, но она добавляет: – Мне интересно, как ты отреагируешь?

– Отреагирую?

– Мне кажется, ты из тех девочек, к которым прислушиваются другие, Марго, и то, как ты отреагируешь на список, повлияет на твоих сверстников. – Директор Колби закатывает рукава и скрещивает руки. – Это нездоровая традиция, ты так не считаешь? Я планирую выяснить, кто за этим стоит. И если тебе что-нибудь известно, предлагаю поделиться этим прямо сейчас.

Марго непонимающе смотрит на директора. Почему та считает, что она что-то ей расскажет? Признается? Выдаст кого-то? Марго это удивляет.

– Я не составляла список, директор Колби. И не знаю, кто это сделал.

Женщина протяжно выдыхает:

– Подумай о тех девочках, которых назвали уродливыми. Подумай о Дженнифер и о том, что она почувствовала этим утром, когда уже в четвертый раз увидела свое имя в списке.

Марго так и хочется выпалить: «Я слышала, Дженнифер была очень рада». По крайней мере, ей так сказали. Но она не хочет думать о Дженнифер. Совершенно не хочет. Если что и случилось отстойного этим утром, так это попадание Дженнифер в список. Марго казалось, что она заново проживала драму девятого класса.

Марго начинает отступать:

– Я подумаю об этом. Обещаю.

Не доходя до лестницы, она останавливается и переводит дыхание. Директор Колби была очень подозрительной. Будто что-то слышала.

Марго заходит в столовую, ее щеки горят ярче ламп для обогрева, отбрасывающих красный свет на запеканку. У нее слегка кружится голова, поэтому она берет бутылку с водой и, осознавая, что ее руки дрожат, пытается сделать несколько неторопливых глотков. Марго оплачивает ланч, а потом идет туда, где сидят Рейчел, Дана, Мэттью, Тед и Джастин. Проходя мимо столов девятиклассников, она чувствует их взгляды и быстро натягивает улыбку.

– Ну и что это было? – спрашивает Дана.

Марго плюхается на свое место:

– Не знаю. Директор Колби накрутила себя из-за этого списка.

Она борется с желанием посмотреть на Мэттью, проверить, слышал ли парень ее слова. Конечно же слышал.

Рейчел берет Марго за руки и громко шепчет:

– Она думает, это ты его составила?

– Господи, нет! – Марго тут же добавляет к своему утверждению смешок. А под столом вытирает потные ладошки об юбку, приглаживая складки. – Определенно, нет.

– Я бы включил директора Колби в список, – усмехается Джастин и облизывает губы, прежде чем откусить кусок сэндвича.

Дана швыряет в него салфетку:

– Фу!

Тед откидывается на спинку стула и заводит руки за голову. На нем клетчатая рубашка с поднятым воротником, рукава которой закатаны до локтей.

– Почему это так важно? В смысле, в списке же нет ничего такого, чего не знал бы каждый. У нас всех есть глаза. Мы знаем, кто горяч, а кто нет.

Рейчел постукивает пальцем по виску:

– Смешно. Мне помнится, ты пускал слюни на ту девятиклассницу, Моник Джонс, после того как она в прошлом году попала в список.

– Попался, – говорит Джастин и дает Рейчел пять.

Кончики ушей Теда становятся ярко-красными.

– Список не имеет к этому никакого отношения, – громко оправдывается он. – Я всегда считал Моник горячей. Чуваки, она работала моделью. Список просто дал мне повод подойти и представиться.

Мэттью накидывает капюшон на свою лысую голову:

– Кто хочет поиграть со мной в пинг-понг?

Все предыдущие годы он ходил с длинными лохматыми светлыми волосами, но этим летом решил от них избавиться. Это не понравилась ни одной из девочек, но зато напомнило Марго четвертый класс, когда Мэттью переехал в Маунт-Вашингтон. Их посадили за соседние

парты, и мальчишка заинтересовался ее коллекцией маленьких ластиков, которые она хранила в пенале. Когда она доставала его, Мэттью приподнимался на стуле, чтобы заглянуть внутрь, пока Марго выбирала ластик. На Рождество она купила ему ластик в форме футбольного мяча и незаметно положила в его парту. Но никогда не видела, чтобы он пользовался им. Ей нравится представлять, что он до сих пор хранит тот ластик.

Дана в замешательстве качает головой:

– Директору Колби надо расслабиться. Оглянуться не успеем, как она внедрит правило: никаких проклятых танцев. – Девушка делает глоток чаю со льдом, а потом добавляет: – Эй, кстати о чудиках, вы видели Сару Сингер, которая вышагивала по коридору с надписью «УРОДИНА» на лбу?

– Что за бунтовщица?! – закатывая глаза, усмехается Рейчел.

Мэттью отталкивается от стола:

– Идем поиграем, Тед. Я жажду реванша.

– Сейчас я надеру тебе зад. – Собрав мусор на поднос, Тед склоняется к Марго и говорит: – Думаю, ты будешь красивой королевой бала, Марго. И если мне повезет стать твоим принцем, то ты должна знать – я не отпущу тебя весь вечер.

Мэттью стонет:

– Пойдем! Ланч почти закончился.

– Спасибо, Тед, – отвечает Марго, стараясь не расстраиваться из-за отсутствия какой-либо реакции у Мэттью. Может, он не слышал, что ее внесли в список?

Тед приседает на угол стола:

– В смысле, тебе не кажется смешным, что мы так и не перепихнулись? И возможно, благодаря танцам судьба сведет нас. Я имею в виду, что всегда считал нас хорошей...

– Чувак! – кричит Мэттью, сложив руки рупором. – Пойдем.

Тед качает головой:

– Не важно. Поговорим позже, Марго.

Рейчел смотрит вслед уходящему Теду и шепчет:

– Тед прошелся по всем из списка! Мог хотя бы не трепаться об этом.

Марго наблюдает, как Мэттью тянется за ракетками для пинг-понга, лежащими на автомате прохладительных напитков. Они никогда не были одиноки в одно и то же время. Она стремилась встречаться с парнями постарше, которые могли купить ее друзьям пива и уже водили машины. Мэттью встречался с девушками помладше – милыми девочками, которые хорошо учились в школе и были со всеми дружелюбны. Теми, что посещали церкви. А Марго туда не ходила.

– Итак... как я и сказала, мне жаль только Дженнифер. – Дана оборачивается и осматривает столы за своей спиной. – Посмотрите на нее. Даже девчонки из хора бросили ее.

Марго смотрит на Дженнифер, хоть ей и не хочется этого. Та сидит на другом конце столовой рядом с какими-то учениками, но при этом держится особняком.

– Ты веришь в ее позитивный настрой? – спрашивает Дана.

– Ни капли. – Рейчел набрасывается на картофель фри. – Она притворяется. В смысле, четыре года подряд быть самой уродливой в классе? Как тут не задуматься о самоубийстве?

– Но она молодец. Будь я на ее месте, то не смогла бы шествовать по школе с высоко поднятой головой, – говорит Дана. А потом шепчет: – Помнишь, на пикнике в одиннадцатом классе кто-то задушил хот-догом ей в голову? А она рассмеялась так, будто это было смешно. Тед никогда в этом не сознавался, но я знаю, что это сделал он. Сама видела. Придурок.

Рейчел качает головой в отвращении:

– Может, она сталкивается с таким дерьмом каждый день.

Девочки смотрят на Дженнифер, которая вертит сэндвич в руках. За ее спиной проходят с подносами два парня помладше – возможно, девятиклассники. Они приостанавливаются и

показывают пальцами на Дженнифер так, чтобы увидели их друзья, а затем притворяются, будто их тошнит. Но она ничего не видит.

Рейчел откидывает картофель:

– Ну все. Я спрошу у Дженнифер, не хочет ли она сегодня посидеть с нами.

Марго тянется к Рейчел, пытаясь ее остановить:

– Прекрати. Не надо.

Рейчел пронзает взглядом двух девятиклассников, когда те возвращаются к своему столу:

– Ненавижу этих мелких засранцев, думающих, что можно высмеивать Дженнифер только потому, что она попала в список. Разве они не должны уважительно относиться к ней хотя бы потому, что она выпускница? Если она будет сидеть с нами, они не посмеют ничего сказать.

Марго вздыхает:

– Как будто кому-то хочется тусоваться с нами.

Но она знает, что это неправда. Особенно если дело касается Дженнифер.

– Ну да. Легко говорить такое самой красивой выпускнице.

– Помолчи, Рейчел. Ты тоже была в списке. Вы обе были. Это не играет роли.

Дана склоняет голову:

– Да, но именно *ты* будешь королевой танцев.

– Это еще неизвестно, – улыбается Марго, хотя, по сути, так и есть. – И мне все равно, стану ли я королевой танцев.

Конечно, это будет круто. Но если бы этим утром в список попала одна из подруг, она бы не расстроилась.

Рейчел похлопывает Марго по спине:

– Если мы пригласим Дженнифер посидеть с нами до конца ланча, ты от этого не умрешь.

Марго делает вид, что сильно увлечена выуживанием латука из куриного ролла. И ее не удивляет, что ножки стула Дженнифер так быстро закрипели по полу.

– Привет, Дженнифер, – говорит Дана, пододвигаясь, чтобы та могла сесть.

– Мне нравится твоя кофта, Дана. Такая хорошенькая.

Дана с улыбкой смотрит на перед кофты:

– О, спасибо.

С секунду все молчат. Марго поднимает взгляд и видит, что Дженнифер смотрит на нее.

– Привет, Марго, – говорит Дженнифер бодро и радостно. – Поздравляю с... ну, ты знаешь.

– Спасибо.

Рейчел барабанит ногтями по столу:

– Итак, Дженнифер... Мы хотели сказать, нам очень жаль, что ты снова в этом году попала в список.

Дженнифер качает головой, словно это пустяк.

– Честно говоря, я уже к этому привыкла.

– Да, но к такому не стоит привыкать, – сжав губы, заявляет Дана. – Тот, кто в этом году составлял список, настоящий садист.

А Марго вспоминает начало выпускного года. И как Дана жаловалась, что ее на французском посадили за Дженнифер, а также на складки у той на шее. Она говорила, что, когда Дженнифер смотрела в учебник, складки разглаживались, а когда поднимала голову, сжимались, как отвратительный одушевленный аккордеон.

И сейчас Марго раздражает легкость, с которой Дана может забыть прошлое. А еще она завидует. Потому что сама так не умеет.

Глава 9

В три часа Даниэла тащится после занятий к шкафчику. Там как можно медленнее собирает учебники и сумку для тренировки по плаванию – она никуда не торопится. Нет, это не правда. Даниэла должна быть на тренировке по плаванию вместе с Хоуп. Но ей запретили идти в бассейн.

Когда в дверь кабинета по английскому постучалась директор Колби, все подняли головы. Учитель поприветствовал ее. Но та ничего ему не сказала, просто окинула взглядом кабинет. Заметив Даниэлу, она подошла к ней и просто сказала:

– Увидимся позже.

Эти слова объяснили оставленную ею на парте Даниэлы записку.

«Девушкам из списка: пожалуйста, сразу после уроков зайдите ко мне в кабинет на обязательную встречу.

Директор Колби».

Даниэла прикусила кончик карандаша. Чего хотела директор Колби от девушек из списка? У них неприятности? Директор Колби выяснила, кто его составил?

Хоть эти вопросы и манили заманчивыми ответами, Даниэле не особо хотелось знать их. Между тем она заметила, как сидящий слева от нее парень выгнул шею, будто пытаясь прочитать записку. Она быстро спрятала ее в учебник и во второй раз за день почувствовала себя униженной.

Ее щеки до сих пор горят.

В этот момент мимо проходит Сара Сингер, самая уродливая одиннадцатиклассница. А за ней идет директор Колби, прижимая руку к спине девушки и вынуждая двигаться вперед. Шаги Сары до смешного вымученные – она сопротивляется, время от времени вымученно вздыхает и шаркает по линолеуму.

Даниэла слышала об этой девушке и слове, которое та написала у себя на лбу, но впервые видит это сама. В какой-то степени она впечатлена стойкостью Сары – выражение ее лица отличается от маски, с какой Даниэла ходила сегодня, притворяясь, что не существует ни списка, ни ее имени в нем. Но в то же время ей стыдно от осознания, что она ничем не отличается от Сары. Что вся Старшая школа Маунт-Вашингтона будет смотреть на нее и видеть то же самое слово, независимо от того, написано оно на лбу Даниэлы или нет.

Закрыв шкафчик, она прислоняется к нему. Эта боль будет с ней постоянно, она больше походит на шрам, чем на болячку. И Даниэла всегда будет носить ее в себе.

– Я уже вышла за пределы школы! – жалуется Сара. – Вы не можете заставить меня вернуться, когда уроки закончились!

Либо директор Колби не слышит Сару, либо не утруждается ей ответить. Вместо этого она встречается взглядом с Даниэлой, когда проходит мимо нее, и говорит:

– Идем. Ты тоже должна присутствовать.

Оставшиеся шесть девчонок уже находятся в кабинете директора. Здесь слишком мало места, чтобы как-то разделиться по группам, типа: красивые девушки сидят на стульях, а уродливые должны подпирать стенки. Тут довольно тесно, и все чувствуют себя не в своей тарелке.

На одном из двух стульев, стоящих напротив стола директора Колби, сидит Эбби. Она пододвигается, освободив немного места, чтобы Даниэла могла присесть рядом. Но та лишь слегка улыбается и присаживается на подлокотник.

На втором стуле, почти на самом краю, сидит Кэндис, наклонившись вперед. Она старается быть ближе к столу директора Колби.

Лорен уселась на батарее, подтянув колени к груди, и смотрит в окно.

Бриджит устроилась на диване.

Рядом с ней садится Марго и кладет руки на колени. Дженнифер подпирает высокий черный шкаф для хранения документов.

Переступив порог кабинета, Сара демонстративно скрещивает руки, а затем замирает. И почти не двигается с места, когда директор Колби протискивается мимо нее.

Устроившись за своим столом, директор говорит:

– Уверена, вы и сами уже догадались, зачем я позвала вас сюда.

Даже если кто и знает намерения директора Колби, все молчат. Марго накручивает прядь волос на палец. Бриджит хрустит пальцами. Дженнифер отковыривает что-то прилипшее к ее кофте.

Директор Колби вздыхает.

– Хорошо, – продолжает она. – Я объясню. – Она театрально подается вперед. – Сегодня с вами произошли ужасные вещи. И я думаю, нам всем не помешает обсудить это.

Кэндис фыркает. Ее ноги скрещены, один ботинок, подбитый овчиной, безостановочно взлетает в воздух.

– Вы имеете в виду *четверых* из нас? – язвит она. – Готова поспорить, у тех, кого назвали самыми красивыми, день прошел замечательно.

Директор Колби качает головой:

– Я имела в виду именно то, что сказала, Кэндис. Со *всеми* вами случилось кое-что ужасное. Кто-то осмелился выделить вас, навесить ярлык и представить вас не чем иным, как самыми поверхностными, субъективными версиями самих себя. И у этого есть эмоциональные последствия, независимо от стороны медали, на которой вы находитесь.

Кэндис поворачивается на стуле и смотрит на Марго и Бриджит, сидящих на диване:

– Последствия? Вы имеете в виду уверенность Марго в том, что она получит титул королевы танцев?

Марго продолжает рассматривать секущиеся кончики волос:

– Я понимаю, что ты злишься, Кэндис, но, пожалуйста, постарайся сдерживаться.

– Конечно же я злюсь, Марго, – огрызается Кэндис, а потом обводит взглядом других девочек. – А вы бы не злились, если бы вас назвали самыми уродливыми, когда на самом деле это *не так*? – Ее голос дрожит.

Девшуки, которые вместе с ней получили это звание, смотрят друг на друга. Все, кроме Сары, которая поедает взглядом Кэндис.

Директор Колби поднимает руки:

– Девочки, пожалуйста, не ссорьтесь. Здесь нет врагов. Вы все жертвы.

Марго поднимает руку:

– Директор Колби, я знаю, вы недавно в Маунт-Вашингтоне, но серьезно, это такая ерунда.

– Тебе легко говорить, – бормочет Даниэла, поражаясь тому, что вообще что-то сказала.

Дженнифер делает шаг вперед:

– Я согласна с Марго. В смысле, если здесь у кого и есть право жаловаться, то это у меня.

А мне плевать. Меня это не беспокоит.

Директор Колби смотрит ей в глаза, а потом говорит:

– Не верю, что тебе плевать, Дженнифер. Ты должна переживать больше всех.

Щеки Дженнифер розовеют.

Сара стонет:

– Чего вы добиваетесь, директор Колби? Пытаетесь заставить нас принять участие в сеансе групповой терапии?

Та качает головой:

– Сара... девушки... послушайте, не буду спорить, вероятно, вы еще не до конца осознали, что сегодня произошло. Я уже поговорила с некоторыми из вас, но хочу, чтобы вы все

знали – я здесь, если захотите об этом поговорить. И если вы знаете, кто в этом году причастен к появлению списка, то надеюсь, достаточно доверяете мне, чтобы поделиться этой информацией. Пора заканчивать с этой дедовщиной, и я хочу, чтобы составивший его был привлечен к ответственности.

Даниэла осматривает кабинет. Хоть она с пониманием относится к попытке директора Колби произнести ободряющую речь, реальное положение дел надежды не прибавляет. Да, их имена появились в списке, но играют они за разные команды.

Совершенно разные.

Пора снова надевать маску. Каждая сама за себя.

Вторник

Глава 10

Бриджит просыпается ранним утром. Она принимает душ, делает прическу, наносит макияж и подбирает к легинсам и длинному драпированному кардигану оксфордскую² рубашку. Когда Бриджит слышит, что Лиза направилась в ванную, она спускается на первый этаж, перепрыгивая через ступеньки, так как ей не терпится добраться до кухни. Она искренне желает позавтракать. А не притвориться, как делала до этого.

Миссис Ханикат, как и каждое утро перед уходом на работу, оставила на столе коробку с хлопьями, две миски и две ложки для дочерей. Бриджит берет чистую миску с ложкой и кладет их в посудомойку к грязным тарелкам, оставшимся со вчерашнего ужина. Тогда она съела куриную грудку и парочку маленьких морковок. Но не стала есть рис.

Неплохо.

Она достает из переднего кармана рубашки листок бумаги и разглаживает его на стойке. Затем открывает шкафчики и начинает в них рыться в поисках необходимых ингредиентов.

Кленовый сироп. Кайенский перец. Лимон из миски с фруктами. Вчера вечером она отыскала этот рецепт в Интернете. Решила устроить разгрузочный день. Кинозвезды часто так поступают перед важными событиями, чтобы убедиться, что они будут выглядеть на все сто. Это не диета, а способ очистить организм от токсинов, от всего, что засоряет тебя изнутри.

Самое главное, в такие дни ты не отказываешься от еды. Ведь это плохо. И Бриджит это знает. Знала это все лето. Понимала, что худеет неправильно. Что в погоне за результатом чересчур увлеклась. А ей не хотелось быть одной из девчонок, которые ограничивают себя во всем и раздумывают над каждым кусочком, есть его или нет.

Но еще Бриджит знает – она попала в список из-за того, что похудела. Да и там, на тех листах, было написано именно так. А значит, то, как она провела лето, реально помогло.

Если не считать того, что ты снова набрала вес, Бриджит.

Ей не хочется никого подводить. Но в этот раз она стала благоразумнее, умнее. И раз танцы через пять дней, то ей помогут лишь разгрузочные дни. Она просто должна следовать указаниям.

Если тебя затошнит, то ты снова перестанешь есть. Но тебя не тошнит.

Ты здорова.

Бриджит аккуратно отмеряет необходимые ингредиенты, как указано в рецепте. Наклоняет мерную ложку над горлышком бутылки с водой, отправляя горстку красного порошка на дно. Потом разрезает лимон и выжимает рукой. Пальцами выковыривает семена, чувствуя, как сок пощипывает покусанную вокруг ногтей кожу. Последний компонент – кленовый сироп. Стеклянная банка липкая, на крышке застыли кристаллики сахара, которые разламываются и крошатся в руках девушки. Она наливает густой сироп в столовую ложку. И сожалеет, что его требуется так много. Бриджит кажется, что две столовые ложки – это невероятно много. Поэтому она читает на этикетке данные об энергетической ценности сиропа, хмурится, а затем принимает решение сократить его количество вдвое.

Бриджит подходит к холодильнику и наполняет бутылку до самого горлышка с помощью дозатора. Если пить понемножку, то этой смеси хватит до конца занятий. Девушка встряхивает

---

² Оксфорд (*англ.* oxford) – вид ткани, традиционно используемой для пошива мужских сорочек (рубашек). Выполняется ткацким переплетением рогожка.

бутылку, а потом откручивает крышку. Крошечные частички кайенского перца плавают на вспенившейся поверхности воды цвета чая. Бриджит подносит бутылку к носу. Пахнет горячим лимонадом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.